
„Пров 38
„Пров 4

А. Ельницкій

Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

I.

Борьба крѣпостныхъ рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились на Руси фабрики и заводы, началась и борьба рабочихъ съ капиталистами-хозяевами. Въ то время въ Россіи существовало еще крѣпостное право; большая часть фабрикъ принадлежала дворянамъ-помѣщикамъ, которые заставляли работать на себя либо своихъ кабальныхъ (крѣпостныхъ) рабочихъ, либо нанимали чужихъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на оброкъ. Эта же система примѣнялась и на заводахъ, принадлежавшихъ правительству: обыкновенно къ заводу приписывалось нѣсколько деревень, жители которыхъ обязывались отрабатывать на заводѣ причитающіяся съ нихъ подати.

Работа на этихъ фабрикахъ и заводахъ производилась изъ-подъ палки; условія труда были тяжелы и постоянно вызывали протесты рабочихъ; послѣдніе устраивали стачки и безпорядки, добиваясь сокращенія непомѣрно-длиннаго рабочаго дня, повышенія заработной платы, отмѣны расплаты товарами и всѣхъ прочихъ пріемовъ эксплоатаціи, къ которымъ не стѣснялись прибѣгать русскіе фабрикатны-дворяне и фабрикантъ-правительство, какъ не стѣсняется прибѣгать къ нимъ и современный капиталистъ, разъ дѣло касается «священной» прибыли.

Нерѣдко при этомъ рабочіе требовали отъ правительства также и освобожденія отъ крѣпостного гнета.

Эта борьба рабочихъ обыкновенно отличалась

изумительнымъ упорствомъ: на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ она тянулась десятками лѣтъ, иногда до 30—50 лѣтъ, пока, наконецъ, справедливыя требованія рабочихъ не удовлетворялись.

Рабочіе обыкновенно начинали свою борьбу съ подачи прошенія, причемъ старались, чтобы прошеніе достигло непосредственно царя, — отправляли къ нему ходоковъ; когда же это средство не помогало, они нерѣдко подкрѣпляли свои прошенія массовымъ отказомъ отъ работы.

На помощь фабрикантамъ-дворянамъ спѣшили придти правительственныя власти, которыя стремились розгами, плетьми, ссылкой въ Сибирь и рекрутчиной возстановить нарушенное рабочими право капиталистовъ ихъ эксплоатировать. Не менѣе же энергично дѣйствовало правительство въ тѣхъ случаяхъ, когда волненія происходили на его собственныхъ заводахъ.

Но репрессіи властей не всегда достигали желательныхъ результатовъ: этимъ репрессіямъ рабочіе очень часто противопоставляли свою непоколебимую солидарность и героическую самоотверженность. Ихъ ходоки шли въ Сибирь, умирали подъ плетью, но не выдавали участниковъ и составителей прошеній.

Лѣтъ полтораста тому назадъ серьезныя волненія происходили среди приписанныхъ къ Олонецкимъ казеннымъ заводамъ. Вотъ каковы были условія работы на этихъ заводахъ: рабочіе должны были отрабатывать на нихъ всего по 1 р. 70 к. съ души, но при этомъ правительство назначило заработную плату въ нѣсколько разъ низшую, чѣмъ можно было получить по вольному найму. Рабочимъ платили на этихъ заводахъ всего по 4—5 коп. въ день, да притомъ еще попечительное заводское начальство допекало своими мудрыми правилами: по своему усмотрѣнію штрафовало за лѣнь, а за

прогулъ одного дня вычитало за цѣлую недѣлю работы. Немудрено поэтому, что рабочимъ долготаки приходилось отрабатывать эти несчастные 1 р. 70 к. А когда, въ 1761 г., вышелъ новый указъ, которымъ на нихъ набавлялся новый рублевой налогъ, чаша терпѣнія ихъ окончательно переполнилась. Работы были пріостановлены, а къ императрицѣ Екатеринѣ II-ой были посланы ходоки во главѣ съ выдвинувшимся агитаторомъ Емельяномъ Каллистратовымъ. Своихъ ходоковъ рабочіе обнадежили обѣщаніемъ не оставить ихъ въ трудную минуту и свое обѣщаніе подкрѣпили общей присягой.

Власти поспѣшили арестовать наиболѣе видныхъ изъ рабочихъ, но тѣ держались стойко и никого не выдавали.

«Я все сношу на себя», — писалъ одинъ изъ арестованныхъ своимъ товарищамъ на волѣ, — «а на другихъ ничего не показываю. За весь міръ принимаю нужду къ лучшему».

Въ 1771 г. рабочіе снова посылаютъ въ Петербургъ своихъ челобитчиковъ — Клима Соболева и Анцифера Трофимова, которымъ и удалось вручить челобитную самой императрицѣ; однако проку изъ этого вышло немного. Самихъ челобитчиковъ правительство арестовываетъ, и только одному изъ нихъ, Соболеву, удается бѣжать изъ-подъ ареста. Онъ объѣзжаетъ всѣ селенія, всюду ведетъ дѣятельную агитацію, убѣждая товарищей твердо стоять на своемъ. Во время этихъ объѣздовъ его снова арестовываютъ, но тутъ на помощь ему приходятъ окрестные жители. Въ лицѣ Соболева власти арестовали «лучшаго и надобнаго имъ человѣка», который крѣпко стоялъ за міръ; и вотъ окрестные рабочіе, вооружившись дубьемъ и рогатинами, рѣшили его отбить; они разогнали часовыхъ, разломали ихъ ружья, а самого начальника

стражи, арестовавшаго Соболева, избили до полусмерти.

«Хотя-бъ и самъ генералъ пріѣхалъ къ намъ въ гости, то-бъ и ему то-жъ было!» — кричали при этомъ нѣкоторые.

Освободивши Соболева, рабочіе выставили на границѣ своихъ селеній стражу, по дорогамъ поставили заставы и стали ждать, что будетъ дальше.

Посылать новыхъ челобитчиковъ они уже не рѣшались, извѣдавъ на опытѣ, что ожидаетъ послѣднихъ; только одно селеніе послало въ слѣдственную комиссію, разбиравшую ихъ дѣло, безрукаго односельчанина Василія Хибарова, въ надеждѣ, что его-то ужъ никакъ не смогутъ обвинить въ составленіи ихъ жалобъ.

Правительство не замедлило, конечно, послать усмирителей: сперва было послано 100 чел. псковскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ Ламздорфа, а когда этихъ силъ оказалось мало, были посланы еще двѣ роты гренадеръ и мушкатеръ подъ начальствомъ Урусова [1]).

Волненія были подавлены, и рабочихъ ожидала жестокая расправа. По приговору сената трое рабочихъ — Соболевъ, Костинъ и Сальниковъ — были приговорены къ 100 ударамъ кнута; имъ вырѣзали ноздри, раскаленнымъ желѣзомъ поставили клейма: на лбу выжгли букву В, на правой щекѣ — О и на лѣвой — З, что должно было означать возмутитель, и сослали безсрочно на Нерчинскіе заводы. Четырехъ рабочихъ, и въ томъ числѣ Емельяна Каллистратова, сослали въ сибирскіе гарнизоны на вѣчную солдатчину, двухъ — на вѣчное

[1]) Какъ видитъ читатель, это все знакомыя имена; потомки первыхъ усмирителей рабочихъ оказались вполнѣ достойными преемниками печальной славы своихъ прародителей; за ихъ спиной стоитъ полуторавѣковой опыта угнетенія рабочаго класса.

поселеніе въ Сибирь и 60 человѣкъ наказали плетьми и отдали въ солдаты.

Такъ жестоко отплатило правительство рабочимъ, протестовавшимъ противъ непосильнаго гнета и кабалы.

Еще болѣе часты были волненія на фабрикахъ и заводахъ частновладѣльческихъ; намъ извѣстны стачки рабочихъ въ губерніяхъ: Московской, Казанской, Ярославской, Владимірской и Тульской, гдѣ какъ разъ было много фабрикъ.

Въ Московской губерніи волненія рабочихъ были въ слѣдующіе годы: въ 1797, 1806, 1823, 1834, 1844. Особымъ упорствомъ въ борьбѣ за свои интересы отличались рабочіе Фряновской шелковой фабрики (въ Богородскомъ уѣздѣ). Еще въ 1800 году они подали жалобу на своего фабриканта императору Павлу, а сами въ ожиданіи отвѣта прекратили работу. За такое «непристойство» зачинщики безпорядковъ были примѣрно наказаны плетьми, но упорство рабочихъ этимъ сломить не удалось, и они продолжали стоять на своемъ. Даже мѣстныя власти должны были признать, что «фряновскіе мастеровые, закоснѣвъ въ буйствахъ, къ повиновенію впредь владѣльцу признаются безнадежными». И, дѣйствительно, рабочіе продолжали въ теченіе 30 лѣтъ вести упорную борьбу, пока, наконецъ, въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія не были удовлетворены почти всѣ ихъ требованія, въ томъ числѣ и свободный выборъ старостъ.

Въ Казанской губерніи волненія рабочихъ суконной фабрики Осокина происходили послѣдовательно въ 1796, 1800, 1817, 1819, 1834, 1836 гг. и только въ 1849 г. казанскіе рабочіе добились свободы, за которую они такъ отчаянно боролись. Жалоба, посланная ими еще императору Павлу, привела лишь къ обратнымъ резуль-

татамъ: правительство потребовало отъ нихъ подписи въ повиновеніи хозяину, а въ противномъ случаѣ угрожало ссылкой въ Сибирь. Рабочіе, однако, не только не дали требуемой подписки, но и воспрепятствовали ввести на фабрикѣ наравнѣ съ мужскимъ и женскій трудъ. Въ 1817 г. они снова отправили своихъ ходоковъ въ Петербургъ, но послѣдніе были по дорогѣ арестованы и въ кандалахъ отправлены обратно въ Казань. По дорогѣ одинъ изъ нихъ, рабочій Ефремовъ, не могъ снести всѣхъ мученій и умеръ, а другой — Соколовъ — былъ заключенъ въ тюрьму. Въ 1819 г. они снова подаютъ жалобу и на этотъ разъ, для подкрѣпленія ея, устраиваютъ стачку, отказываясь выполнять объявленный имъ сенатскій указъ.

Власти со своей стороны обрушиваются на рабочихъ репрессіями: зачинщики высылаются въ Сибирь на иркутскую фабрику, а всѣ прочіе подвергаются полицейскимъ наказаніямъ; но рабочіе не унимаются и заключаютъ между собой «тайное письменное соглашеніе« — ни въ коемъ случаѣ не уступать требованіямъ начальства.

Въ 1824 г. рабочихъ ожидали новыя жестокости: десять изъ нихъ были приговорены къ наказанію плетьми, а одинъ, на глазахъ собственнаго сына, былъ засѣченъ до смерти. Однако, несмотря на эти истязанія, никто изъ нихъ не выдалъ своихъ товарищей. Такая борьба продолжалась въ теченіе пятидесяти лѣтъ, пока, наконецъ, упорство рабочихъ не одержало верхъ надъ жестокостью властей.

Въ Ярославлѣ стачки и волненія рабочихъ происходили въ 1806, 1815, 1817, 1818 и 1823 гг.; въ Воронежской губерніи въ 1821 и въ 1851 гг.; въ Калужской — въ 1814 и въ 1821 гг.; во Владимірской — въ 1823 г.; въ Тульской — въ 1837 году.

Характеръ рабочихъ волненій почти всюду одинъ и тотъ же: рабочіе подаютъ жалобы и устраиваютъ стачки; власти отвѣчаютъ плетьми и Сибирью, и только непоколебимая солидарность и самоотверженность рабочихъ обезпечиваютъ имъ болѣе или менѣе полную побѣду. Иногда этотъ героизмъ борьбы рабочихъ передавался и ихъ палачамъ. Такъ было, напримѣръ, въ Богородскомъ уѣздѣ въ 1834 году. Рабочіе забастовали, выставивъ требованіе повышенія заработной платы, и отстояли отъ полиціи своихъ вожаковъ, которыхъ та хотѣла арестовать. Тогда явились войска, и началась обычная въ такихъ случаяхъ порка. «Когда троихъ наказали, а потомъ хотѣли наказывать еще двоихъ, то заплечный мастеръ, видя, что всѣ понятые и собравшійся народъ единогласно кричали, что напрасно кровь проливаютъ, и къ тому же указъ читали, бросилъ плети и не сталъ наказывать, и прямо сказалъ капитанъ-исправнику: «самъ наказывай!» а солдаты также преклонили ружья; а капитанъ-исправникъ приказалъ наказывать сотскому сторонней деревни»[1]).

Такъ боролись по всей Россіи рабочіе, закабаленные экономически и порабощенные, какъ крѣпостные. Сугубый гнетъ родилъ въ нихъ могучее чувство протеста и толкалъ на борьбу; совмѣстная работа сотенъ рабочихъ, поставленныхъ въ одинаково безотрадныя условія существованія, будила въ нихъ чувство товарищества, стремленіе дѣйствовать сообща и по мѣрѣ силъ служить общему дѣлу. У отдѣльныхъ рабочихъ, наиболѣе чуткихъ и преданныхъ общему дѣлу, эти стремленія проявлялись наиболѣе ярко и выпукло, заставляя ихъ отрѣшаться отъ собственной личности и отдавать себя цѣликомъ дѣлу борьбы.

[1]) В. А. Поссе, «Теорія и практика пролетарскаго соціализма», стр. 325.

Но въ общемъ мысль крѣпостного рабочаго не могла подняться достаточно высоко надъ поверхностью тогдашней жизни, чтобы, съ высоты окинувъ взоромъ все свое подневольное положеніе, придти къ ясному сознанію своихъ классовыхъ интересовъ. Этому мѣшала прежде всего неразвитость самой фабрично-заводской промышленности. Капитализмъ къ этому времени еще не успѣлъ выдѣлить рабочихъ въ самостоятельный классъ; для своихъ потребностей онъ вынужденъ былъ пользоваться эксплоатаціей силъ того же самаго крѣпостного, который кормилъ и крѣпостника-барина, и просвѣщеннаго бюрократа и на своихъ плечахъ выносилъ весь гнетъ тогдашняго государства. Капиталистъ-фабрикантъ въ представленіи рабочихъ сливался со всей остальной массой привилегированныхъ классовъ, которые, живя на счетъ трудового народа, въ то же время являлись и его «попечительными» опекунами, такъ что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ трудно было разобраться, гдѣ кончается «опека» и начинается голая эксплоатація. Все это способствовало извѣстной патріархальности въ отношеніяхъ фабриканта къ рабочимъ и мѣшало послѣднимъ сознать самихъ себя и обобщить отдѣльные случаи гнета и кабалы до положенія всего рабочаго класса, а отдѣльные эпизоды борьбы превратить въ классовую борьбу пролетаріата.

На этой ступени борьбы рабочихъ мы встрѣчаемъ только зародыши классовыхъ инстинктовъ, но уже и здѣсь можно замѣтить первые проблески могучей классовой психологіи, которую формируетъ и вырабатываетъ въ рабочихъ сама жизнь и, главнымъ образомъ, упорная борьба съ капиталистами. Этимъ же путемъ шелъ когда-то въ своей борьбѣ и рабочій классъ Западной Европы, и, подобно тому, какъ эта борьба изъ-за отдѣльныхъ усло-

вій капиталистическаго гнета привела его къ сознанію общихъ экономическихъ условій, создающихъ нищету рабочихъ, и къ борьбѣ противъ всего общественнаго уклада, при которомъ рабочій вынужденъ продавать свою рабочую силу капиталисту, удѣляя ему при этомъ львиную долю своего труда, — подобно этому, и русскій рабочій въ концѣ концовъ неминуемо долженъ былъ придти къ борьбѣ за такой общественный порядокъ, при которомъ его рабочая сила перестала бы быть товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ, при которомъ онъ могъ бы располагать всѣми плодами своего труда, — т. е. за соціалистическій строй общества.

Но, пока что, такая разрозненная борьба рабочихъ-крѣпостныхъ по отдѣльнымъ фабрикамъ приносила имъ мало существенныхъ результатовъ; только въ одномъ отношеніи результаты ея оказались цѣнными для всего рабочаго класса: сливаясь съ разрозненными протестами всего закрѣпощеннаго крестьянства, эта борьба рабочихъ заложила не одинъ новый камень въ дѣло раскрѣпощенія всего народа.

II.

Развитіе капитализма и появленіе современнаго пролетаріата.

Скоро, однако, крѣпостная зависимость была уничтожена, и русская промышленность получила возможность, эксплоатируя отнынѣ свободный трудъ, развиваться гигантскими шагами. Почуявъ богатую добычу, въ Россію нахлынули заграничные капиталы и въ самое короткое время покрыли ее сѣтью желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ.

Народившаяся промышленность сосредоточилась главнымъ образомъ въ городахъ, и послѣдніе стали

быстро расти, привлекая къ себѣ тысячами рабочихъ, занятыхъ по постройкѣ и на фабрикахъ. Недостатка же въ рабочихъ быть не могло; правительство само позаботилось объ образованіи многочисленнаго пролетаріата, отрѣзавъ у крестьянъ, въ награду за освобожденіе, милліоны десятинъ лучшей земли и принудивъ ихъ такимъ образомъ жить продажей собственной рабочей силы. Гнетъ помѣщиковъ и кулаковъ и непосильныя подати дѣлали положеніе крестьянина еще болѣе неустойчивымъ, и съ каждымъ годомъ все новыя и новыя тысячи крестьянъ должны были покидать свое хозяйство и въ поискахъ за работой наполняли города. А здѣсь они попадали на огромныя фабрики, гдѣ, вмѣстѣ съ копотью и дымомъ, они вдыхали въ себя и сознаніе своей классовой силы, и подъ стуки молота и грохотъ машинъ въ нихъ начинала выковываться иная психологія и складывались иныя привычки и потребности, — словомъ, здѣсь, въ городѣ, они быстро пріобщались къ пролетаріату, этой грозной силѣ будущаго.

Этому особенно способствовало то, что Россіи почти не пришлось переживать длительный и мучительный періодъ выработки современнаго крупнаго производства, такъ какъ оно явилось къ намъ уже готовымъ. Иностранные капиталисты перенесли къ намъ промышленность въ ея высшей капиталистической формѣ. Огромные фабрики и заводы, снабженные всѣми новѣйшими техническими усовершенствованіями, объединяющіе въ себѣ нерѣдко тысячи рабочихъ, создавали благопріятныя условія и для ихъ товарищескаго соединенія и просвѣтлѣнія ихъ классового самосознанія. Самый трудъ рабочаго на заводѣ и фабрикѣ часто требовалъ, помимо навыка, извѣстной интеллигентности, умѣнья быстро шевелить мозгами, быстро соображать и разбираться въ окружающей обстановкѣ.

Затѣмъ сама обстановка новой городской жизни должна была дѣйствовать революціонизирующимъ образомъ на сына деревни, возбуждая въ немъ массу запросовъ, давая много новыхъ понятій и разрушая старые предразсудки; у городского рабочаго было гораздо больше, чѣмъ у деревенскаго, побужденій, заставившихъ его браться за книжку и въ ней искать отвѣта на свои вопросы.

Затѣмъ тутъ же рядомъ съ нимъ, часто въ одной и той же мастерской, работали болѣе опытные иностранные рабочіе и мастера, которые принесли съ собой не одну только техническую ловкость: они вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и людьми съ болѣе высокими, чѣмъ у русскихъ рабочихъ, потребностями, людьми съ большею независимостью, съ развитымъ всей предшествовавшей борьбой западно-европейскаго пролетаріата чувствомъ собственнаго достоинства.

На ихъ примѣрѣ и русскій рабочій учился уважать свою собственную личность и противопоставлять себя и своихъ товарищей, какъ нѣчто цѣлое, своимъ эксплоататорамъ.

Къ срединѣ 70-хъ годовъ русскій фабричный, и въ особенности заводскій рабочій, успѣлъ уже достаточно опредѣлиться. Яснаго классового самосознанія въ немъ, конечно, еще не было, но онъ уже выдѣлялся изъ аморфной народной массы своею смышленностью, бойкостью и болѣе широкимъ кругозоромъ.

Чтобы познакомиться съ запросами и потребностями рабочихъ того времени, мы воспользуемся здѣсь отрывками изъ прекрасныхъ воспоминаній о рабочемъ движеніи Г. В. Плеханова, который самъ принималъ участіе въ ихъ борьбѣ. Мы должны только заранѣе оговориться, что эта характеристика будетъ справедлива лишь по отношенію къ верхушкамъ рабочаго класса, къ его сливкамъ, уже

вовлеченнымъ въ сознательное революціонное движеніе; по отношенію же ко всей рабочей массѣ она можетъ быть лишь показателемъ тенденціи, но никакъ не показателемъ ея дѣйствительныхъ запросовъ и ея сознательности. Этого послѣдняго вопроса мы коснемся впослѣдствіи, когда будемъ говорить объ участіи рабочей массы въ непосредственной борьбѣ, а теперь вернемся къ характеристикѣ Г. В. Плеханова.

Вотъ въ какихъ чертахъ онъ описываетъ одного изъ первыхъ своихъ знакомцевъ — рабочаго Г—а:

«Г—ъ былъ оригинальный человѣкъ... Въ немъ не было и слѣда крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать такъ, какъ жили и думали предки. При самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ онъ отличался рѣдкой жаждой знанія и поистинѣ удивительной энергіей въ дѣлѣ его пріобрѣтенія... Чѣмъ только не интересовался этотъ человѣкъ, въ дѣтствѣ едва научившійся грамотѣ! Политическая экономія и химія, соціальный вопросъ и теорія Дарвина одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, возбуждали въ немъ одинаковый интересъ, и, казалось, нужны были десятки лѣтъ, чтобы, при его положеніи, хоть немного утолить его умственный голодъ»[1]).

Другой рабочій, Б—нъ, только что выпущенный изъ тюрьмы послѣ двухлѣтняго заключенія, отправился на родину. «Тотчасъ по его приходѣ онъ былъ засаженъ въ «холодную», а затѣмъ «старички» рѣшили «постегать малаго» за недоимки. Ему сообщили объ этомъ рѣшеніи, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ и совершенно неизбѣжномъ.

— Да вы съ ума сошли! — возопилъ Б—нъ. — Да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то свою сожгу, да и вы-то головъ не сне-

[1]) Г. В. Плехановъ, «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», стр. 4.

сете: самъ пропаду, да ужъ и вы пожалѣете, что связались со мною! — «Старички» струсили... Я не разъ замѣчалъ, — прибавляетъ при этомъ Г. В. Плехановъ —, что на тѣлесное наказаніе рабочіе смотрятъ, какъ на крайнюю степень униженія человѣческаго достоинства. Иногда они съ негодованіемъ показывали мнѣ газетныя сообщенія о поркахъ крестьянъ, и я всегда затруднялся рѣшить, что больше возмущаетъ ихъ, свирѣпость истязующихъ или безотвѣтная покорность истязуемыхъ»[1]).

«Въ общемъ вся эта среда (т. е. среда наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, съ которыми Плеханову пришлось познакомиться на первыхъ порахъ своей дѣятельности), — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — отличалась значительной умственной развитостью и высокимъ уровнемъ своихъ житейскихъ потребностей. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были горожанами въ лучшемъ смыслѣ этого слова».

Потребность въ чтеніи также была широко распространена между ними, но читали они не тѣ революціонныя брошюры, которыя были написаны спеціально для народа. «Это для сѣрыхъ», — говорили рабочіе, когда имъ революціонеры-интеллигенты преподносили «сказку о четырехъ братьяхъ», «Мудрицѣ Наумовнѣ» и т. п. «Что это, — вы думаете, что ужъ мы, рабочіе, — совсѣмъ дураки?» — говорилъ Плеханову молотобоецъ, просиживавшій вечера надъ «Основами біологіи» Спенсера, когда тотъ ему совѣтовалъ взять что-нибудь полегче. Не удовлетворяясь чтеніемъ революціонныхъ брошюръ, такіе рабочіе охотно читали все, что печаталось революціонерами для интеллигенціи: «Государственность и анархію» Бакунина, «Впередъ!», «Общину»,

[1]) «Русскіи рабочій въ революціонномъ движеніи», стр. 7.

«Землю и волю», переизданную въ Петербургѣ брошюру Драгоманова: «До чего довоевались?» и т. п.»[1]).

Нѣкоторые изъ нихъ непрочь были и сами взяться за перо, и одно время на василеостровскомъ патронномъ заводѣ самими рабочими издавался рукописный журналъ — родъ рѣзкой сатиры на недостатки заводской жизни и прижимки заводскаго начальства.

Если такая характеристика вѣрна лишь относительно передовыхъ рабочихъ, то все же она говоритъ также и о довольно высокомъ уровнѣ остальной рабочей среды, изъ которой выходили передовые рабочіе.

Въ этой средѣ пропагандисты-народники находили благодатный матеріалъ для своей пропаганды: рабочіе оказывались чуткими къ идеямъ соціализма, какъ вслѣдствіе своей большей интеллигентности, такъ и по своему соціальному положенію. Пропаганда среди рабочихъ началась довольно рано, — повидимому, еще въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Уже въ 1863 г. правительство обнаружило ея слѣды и приговорило одного изъ первыхъ такихъ пропагандистовъ, офицера Ушакова, къ разстрѣлу «за распространеніе вредныхъ идей между фабричными рабочими посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія съ преступной цѣлью возмущенія ихъ противъ правительства». Смертная казнь Ушакову была замѣнена каторгой.

Позднѣе, къ началу 70-хъ годовъ, стали возникать цѣлые кружки пропагандистовъ, которые, наряду съ работой въ деревнѣ, удѣляли силы и время и для пропаганды среди городскихъ рабо-

[1]) «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи стр. 13.

чахъ. Самымъ вліятельнымъ изъ такихъ кружковъ былъ кружокъ «чайковцевъ»; его члены немало потрудились надъ созданіемъ прочныхъ связей въ рабочей средѣ и надъ выработкой изъ самихъ рабочихъ сознательныхъ революціонеровъ. Изъ ихъ кружковъ вышли многіе изъ выдвинувшихся впослѣдствіи революціонныхъ дѣятелей рабочихъ.

Позднѣе ихъ смѣнили новые кружки народниковъ, но преемственная связь почти не прерывалась: зароненное сѣмя пропаганды дало такіе прочные ростки, что вырвать ихъ безъ слѣда правительство оказалось не въ состояніи, несмотря на всѣ свои усилія.

Въ короткое время народникамъ, работавшимъ среди петербургскихъ рабочихъ, удалось завести широкія связи, и число рабочихъ, спропагандированныхъ ими къ серединѣ 70-хъ годовъ, достигло довольно крупной цифры — нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Но въ пропагандѣ народниковъ было много существенныхъ недостатковъ.

Въ Петербургѣ въ это время дѣйствовали главнымъ образомъ двѣ революціонныя группы народниковъ: бунтари-землевольцы и лавристы. Обѣ эти группы расходились между собой главнымъ образомъ по вопросамъ тактики: въ то время, какъ землевольцы шли «въ народъ» съ проповѣдью бунтовъ, которые, по ихъ мнѣнію, одни могли воспитать народную массу и подготовить ее къ соціальному перевороту, — лавристы къ подобной тактикѣ относились отрицательно; въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время петербургскихъ стачекъ въ 1878 г., они считали ее даже реакціонной и склонялись къ мирной пропагандистской тактикѣ, подобно той, какую около этого времени примѣняли германскіе соціалъ-демократы у себя на родинѣ. Но собственно только этимъ и

ограничивались разногласія лавристовъ съ землевольцами-бунтарями и ихъ сходство съ нѣмецкими соціалъ-демократами. Что же касается программы, то здѣсь и тѣ, и другіе сходились въ большинствѣ пунктовъ. Во главу угла ихъ міросозерцанія было положено народническое представленіе о русской деревенской общинѣ, какъ наиболѣе совершенной общественной формѣ, способной привести народъ къ соціализму. Они считали поэтому Россію стоящей гораздо ближе къ соціальной революціи, чѣмъ всѣ западно-европейскія страны, гдѣ успѣлъ уже развиться капитализмъ, разложившій общинные устои жизни. Россіи, — говорили они, — достаточно свергнуть гнетъ государства и организовать взамѣнъ его вполнѣ свободную федерацію общинъ, чтобы создать всѣ предпосылки для соціализма. Главной революціонной силой, способной уничтожить современное государство, они считали крестьянство, на него они возлагали всѣ свои надежды и ему удѣляли большинство своихъ силъ.

Отношеніе же ихъ къ городскимъ рабочимъ было какимъ-то двойственнымъ и непослѣдовательнымъ. Въ своихъ программахъ они не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли. Но возлагая всѣ свои надежды на пропаганду среди крестьянъ и на крестьянскіе «бунты», они всетаки считали нужнымъ заниматься съ рабочими; они шли къ нимъ, такъ сказать, вопреки своей теоріи, такъ какъ не могли не видѣть, что на этой почвѣ ихъ сѣмена даютъ лучшіе плоды, чѣмъ поселенія въ народѣ.

Но вслѣдствіе этихъ же причинъ ихъ пропаганда должна была давать очень мало положительнаго рабочимъ. Прежде всего сами народники, смотрѣвшіе на все окружающее глазами своего учителя Бакунина, въ торжествѣ капитализма и въ развитіи пролетаріата видѣли лишь величайшее зло

Россіи. Эти взгляды народниковъ не могли не передаваться и рабочимъ, и среди послѣднихъ можно было въ то время встрѣтить немало послѣдовательныхъ сторонниковъ народнической программы, громившихъ съ чужого голоса «развращенность и буржуазность» городскихъ рабочихъ и мечтавшихъ идти въ деревню, гдѣ только и можно найти «настоящій народъ. Но такое самооплеваніе было удѣломъ далеко не всѣхъ рабочихъ. Болѣе чуткіе и самостоятельные изъ нихъ должны были чувствовать внутреннюю фальшь подобнаго взгляда; этитo рабочіе, не находя для себя мѣста въ программахъ народниковъ, должны были, въ лицѣ Степана Халтурина, Виктора Обнорскаго и др., придти въ концѣ концовъ къ идеѣ самостоятельнаго рабочаго движенія, которому они и отдались со всей энергіей. Но даже и тѣ изъ рабочихъ, которые не умѣли противопоставить аргументаціи народниковъ-интеллигентовъ своихъ собственныхъ доводовъ, должны были на практикѣ убѣдиться, что они сами стали уже неспособными удовлетворяться всѣми прелестями «народной» жизни. За время жизни въ городѣ у нихъ уже успѣли выработаться новыя привычки и потребности, отрѣшиться отъ которыхъ имъ было не такъ-то легко. Въ большинствѣ случаевъ они оказывались еще болѣе непригодными для работы въ деревнѣ, чѣмъ народники-интеллигенты. Побродивъ по деревнямъ и не сумѣвъ нигдѣ пристроиться, они обыкновенно кончали тѣмъ, что возвращались въ города и принимались за агитацію среди своего же брата.

Что же могла дать такая пропаганда рабочимъ? Она, конечно, поднимала общій уровень рабочаго, но была совершенно неспособна будить въ немъ классовое самосознаніе; если же въ отдѣльныхъ случаяхъ и получался подобный результатъ, то происходило это помимо воли народниковъ: со-

знательно они никогда не ставили себѣ цѣлью выяснять и развивать передъ рабочими «идею четвертаго сословія».

«Мы проповѣдывали имъ — пишетъ Плехановъ — не соціализмъ и даже не либерализмъ, а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и бунтарскимъ духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ» [1]).

Задуматься надъ всѣмъ этимъ пришлось довольно-таки скоро. Въ воздухѣ уже пахло приближающимся періодомъ упорной стачечной борьбы. Эта борьба не замедлила разразиться и привела въ движеніе широкія рабочія массы; тутъ-то и должны были обнаружиться всѣ недочеты прежнихъ пріемовъ дѣятельности. Но эта борьба рабочихъ содѣйствовала не только уясненію ошибокъ тогдашней революціонной интеллигенціи, — она пробудила мысль и въ рабочей массѣ, содѣйствуя нарастанію классового самосознанія. Передъ болѣе же развитыми рабочими эта борьба поставила ребромъ вопросъ о необходимости создать самостоятельную рабочую партію, которая была бы выразительницей классовыхъ стремленій пролетаріата и руководительницей въ его классовой борьбѣ.

---

[1]) «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», стр. 11.

III.

Кризисъ въ 70-хъ годахъ и вызванныя имъ волненія петербургскаго пролетаріата.

Развитіе промышленности, послѣдовавшее за освобожденіемъ крестьянъ, неминуемо должно было дать могучій толчокъ и развитію стачечнаго движенія. Еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, капитализмъ пустить корни въ русскую почву, какъ въ разныхъ мѣстахъ начинаютъ вспыхивать крупныя и серьезныя стачки.

На этотъ разъ причина рабочихъ волненій коренилась въ томъ, что въ то время наша промышленность переживала періодъ застоя. Капиталистическое производство не можетъ развиваться иначе, какъ путемъ періодическихъ кризисовъ. Въ то время, какъ трудъ каждаго отдѣльнаго работника становится все болѣе трудомъ общественнымъ и тѣсно связанъ тысячами невидимыхъ нитей съ трудомъ другихъ рабочихъ, распоряженіе этимъ трудомъ находится въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, которые прежде всего считаются съ интересами собственнаго кармана. Производство на отдѣльныхъ фабрикахъ ведется безъ общаго плана и рано или поздно неминуемо приводитъ къ перепроизводству, которое всей своей тяжестью ложится на рабочій классъ. Такъ было и на этотъ разъ. Начиная съ конца 60-хъ годовъ, по всей Россіи появлялись новыя фабрики, расширялись старыя; однѣхъ желѣзныхъ дорогъ было построено нѣсколько тысячъ верстъ. Новыя фабрики и желѣзнодорожныя постройки привлекли къ себѣ новыя массы рабочаго люда; стали быстро расти города и возникать новыя поселенія; это, въ свою очередь, вызвало усиленную строительную дѣятельность. Въ связи съ желѣзнодорожнымъ строитель-

ствомъ должно было сильно возрасти производство рельсъ, вагоновъ, а также и добываніе руды. Ростъ рабочаго населенія, въ свою очередь, вызвалъ усиленный спросъ на предметы потребленія — словомъ, самыя разнообразныя отрасли труда испытывали въ этотъ періодъ времени оживленіе. Мы нарочно остановились на этой переплетающейся зависимости одной отрасли производства отъ другихъ, чтобы потомъ легче было понять, какъ легко заминка въ одномъ изъ нихъ должна была отразиться и на остальныхъ. Дѣйствительно, стоило только въ 1875 г. значительно сократиться постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ это обстоятельство тотчасъ же отразилось ухудшеніемъ положенія рабочихъ въ самыхъ разнообразныхъ производствахъ. Тотчасъ же сократилась работа на желѣзодѣлательныхъ заводахъ, а это, въ свою очередь, сократило спросъ на руду, и масса рабочихъ была выброшена на улицу и должна была испытывать на самой себѣ всѣ ужасы безработицы. Нужда же безработныхъ неминуемо должна была вызвать сокращеніе спроса на предметы потребленія рабочихъ и, стало быть, сокращеніе производства на тѣхъ заводахъ и фабрикахъ, которые выдѣлывали эти продукты. Все это еще болѣе усиливало кризисъ и еще болѣе ухудшало положеніе рабочихъ, не только тѣхъ, которые были выброшены фабрикантами на улицу, но и положеніе всего рабочаго класса. Тысячи безработныхъ, обреченныхъ на голодную смерть или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, на продолжительное голоданіе, были принуждены толпиться передъ дверями фабрикъ, вымаливая себѣ работы и готовые стать на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Можно было бы поэтому заранѣе предсказать, что капиталисты не упустятъ такого удобнаго случая, чтобы лишній разъ принажать на рабочихъ и принудить ихъ, подъ угрозой голодной смерти,

работать на болѣе тяжелыхъ для себя, но болѣе прибыльныхъ для капиталиста условіяхъ. И, дѣйствительно, благодаря кризису, положеніе рабочихъ на большинствѣ фабрикъ и заводовъ со средины 70-хъ годовъ значительяно ухудшилось. Но прижимки со стороны капиталистовъ не могли пройти безслѣдно: онѣ обостряли взаимныя отношенія между рабочими и капиталистами, накопляли въ первыхъ чувство протеста противъ безотрадныхъ условій своего существованія и будили въ нихъ стремленіе сообща бороться за улучшеніе своего положенія. Со второй половины 70-хъ годовъ эта борьба начинаетъ выливаться наружу, проявляясь то спорадически, то, подобно эпидеміи, распространяясь на широкія массы рабочихъ. Нѣкоторыя условія, которыхъ мы касались уже выше, а именно: зачатки классового самосознанія, воспитанные предшествовавшей борьбой, развитіе капитализма, которое постепенно выдѣляло фабричныхъ рабочихъ въ особый классъ, повышая въ то же время ихъ интеллигентность, и, наконецъ, участіе передовыхъ рабочихъ въ революціонной борьбѣ, — всѣ эти условія способствовали тому, чтобы на этотъ разъ борьба рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ стала принимать характеръ борьбы классовой между пролетаріатомъ и буржуазіей. И, что всего важнѣе, этотъ характеръ борьбы сознавался не только передовыми рабочими; въ дальнѣйшемъ мы попытаемся указать, какимъ путемъ борющаяся рабочая масса въ самомъ процессѣ борьбы постепенно приходила къ сознанію солидарности своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ вообще рабочихъ и противоположности ихъ стремленіямъ всѣхъ эксплоатирующихъ классовъ.

Прежде всего, конечно, возбужденное настроеніе проявилось среди наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, уже затронутыхъ революціонной пропаган-

дой народниковъ. Еще въ концѣ 1876 года, они задумали устроить свою рабочую демонстрацію и притомъ такую, которая бы своимъ рѣзко-революціоннымъ характеромъ дала просторъ и выходъ для нараставшаго въ нихъ груди чувства протеста противъ капиталистическаго гнета. Устроители демонстраціи разсчитывали, что на нее можетъ придти до 2000 рабочихъ, но, какъ потомъ оказалось, эти предположенія не оправдались. Сознательнымъ рабочимъ на этотъ разъ не удалось привлечь къ своему дѣлу болѣе широкій контингентъ участниковъ, и на демонстрацію явились почти исключительно одни сознательные рабочіе, человѣкъ 200 до 250. Рабочая же масса не пошла на нее просто потому, что для нея оставались все время неясными смыслъ и значеніе самой демонстраціи, а организаторы демонстраціи ограничивались однимъ призывомъ, не попытавшись, или, вѣрнѣе, не сумѣвъ, соединить идею демонстраціи съ нараставшимъ уже чувствомъ протеста.

Но какъ бы тамъ ни было, а демонстрація была устроена. 6-го декабря 1876 г. передъ Казанскимъ соборомъ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ и учащейся молодежи. Было поднято красное знамя съ надписью «Земля и Воля», которое подхватилъ молодой рабочій Потаповъ, и, поднятый на руки товарищами, онъ нѣкоторое время держалъ его надъ головами присутствующихъ. Однимъ изъ участниковъ демонстраціи, Г. В. Плехановымъ, была произнесена революціонная рѣчь, законченная и подхваченная возгласами: «Да здравствуетъ соціальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля!» [1]).

При первыхъ же словахъ рѣчи, полиція и жандармы, присутствовавшіе на Казанской площади и

[1]) Б. Базилевскій, «Государственныя преступленія въ Россіи», т. II, стр. 4.

поджидавшіе только повода, чтобы накинуться на демонстрантовъ, бросились протискиваться къ оратору, но ихъ сейчасъ же оттѣснили назадъ.

«Ребята, держись тѣснѣй, не выдавай, не подпускай полиціи!» — командовалъ одинъ изъ рабочихъ, а остальные поспѣшили тѣснымъ кольцомъ окружить говорившаго.

Когда рѣчь была окончена, демонстранты, чтобы избѣжать арестовъ, рѣшили всей толпой двинуться по направленію къ Невскому. Но не успѣли они пройти и нѣсколькихъ шаговъ, какъ послѣдовало новое нападеніе полиціи, которая стала арестовывать шедшихъ въ заднихъ рядахъ.

«Тутъ общее возбужденіе дошло до послѣдней степени. Кто-то скомандовалъ: «Стой! нашихъ берутъ!» и толпа бросилась отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и побѣжали за соборъ, въ Казанскую улицу. Еслибы, отразивъ этотъ первый непріятельскій натискъ, революціонеры выказали больше самообладанія, то они, вѣроятно, смогли бы отступить безъ потерь и въ полномъ порядкѣ... Но кому изъ принимавшихъ когда-нибудь участіе въ подобныхъ столкновеніяхъ неизвѣстно, какъ трудно ввести въ надлежащія границы разъ прорвавшіяся наружу страсти? Публика продолжала преслѣдовать обращенную въ бѣгство полицію»[1]).

Это была непростительная ошибка, отдавшая въ руки полиціи около трехъ десятковъ участниковъ демонстраціи. Съ одними изъ нихъ, а именно съ представителями революціонной интеллигенціи, правительство поспѣшило свирѣпо расправиться, осудивъ ихъ въ Сибирь на каторгу и притомъ на значительные сроки; но зато съ рабочими оно рѣшило пока обойтись милостиво, какъ бы боясь, чтобы суровымъ осужденіемъ однихъ не озлобить осталь-

[1]) Плехановъ, стр. 21.

ныхъ представителей рабочаго класса. Такъ, напримѣръ, рабочаго Потапова, который несъ красное знамя и съ нимъ былъ потомъ арестованъ, судъ приговорилъ всего лишь къ заключенію въ монастырь «на покаяніе». Такъ же мягки были приговоры и остальнымъ попавшимся рабочимъ.

Правительство своими репрессіями придало этой демонстраціи болѣе громкій характеръ, чѣмъ каковой она была на самомъ дѣлѣ. Сами же устроители демонстраціи не могли считать ее вполнѣ удавшейся и волей-неволей должны были задуматься надъ причинами этой неудачи. Чтобы на будущее время не повторять старыхъ ошибокъ, они должны были подумать о томъ, какими способами удобнѣе всего пріобщать широкую пролетарскую массу къ своимъ протестамъ.

Когда черезъ годъ послѣ казанской демонстраціи имъ пришлось снова «дѣйствовать», они оказались уже гораздо болѣе на высотѣ своего призванія, чѣмъ прежде.

За этотъ годъ многое успѣло измѣниться въ настроеніи самой рабочей массы. Продолжавшійся кризисъ не могъ не обострять ея отношеній къ своимъ хозяевамъ. Прижимки капиталистовъ, стремившихся беззастѣнчиво на каждомъ шагу урѣзать рабочій заработокъ, удлинить рабочій день, не проходили, конечно, безслѣдно, но накопляли много горючаго матеріала и будили чувство протеста; борьба могла вспыхнуть каждую минуту и притомъ по самому незначительному поводу.

Какъ разъ въ это время на василеостровскомъ патронномъ заводѣ были убиты взрывомъ пороха шесть человѣкъ рабочихъ. Въ ихъ смерти было виновато само заводское начальство, которое не принимало никакихъ предосторожностей, несмотря на неоднократныя предупрежденія со стороны самихъ рабочихъ. Послѣдніе были очень озлоблены

этимъ взрывомъ, и когда по этому поводу былъ выпущенъ листокъ, въ которомъ происшествіе на заводѣ ставилось въ связь съ общимъ положеніемъ рабочаго класса, то это воззваніе попало на благопріятную почву. Листокъ произвелъ хорошее впечатлѣніе и еще болѣе повысилъ настроеніе рабочихъ.

Передовые рабочіе, входившіе въ заводскій революціонный кружокъ, рѣшили поэтому дѣйствовать и, намѣреваясь придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи, пригласили на нее своихъ знакомыхъ интеллигентовъ-бунтарей. Характерна при этомъ слѣдующая подробность. У этого кружка, кромѣ бунтарей, были также знакомые среди лавристовъ, но ихъ они не рѣшались приглашать, зная враждебное отношеніе тѣхъ къ подобнымъ протестамъ.

«Богъ съ ними совсѣмъ», — говорили они. — «Лавристы — люди хорошіе, но пойдутъ спорить, доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться ихъ нельзя: очень ужъ возбуждены всѣ рабочіе».

Революціонный инстинктъ подсказывалъ имъ вѣрную тактику — использовать это озлобленное настроеніе рабочихъ и превратить безсознательное пока чувство злобы въ сознательный протестъ противъ гнета экономическихъ условій.

Но на дѣлѣ вышло нѣсколько иначе, чѣмъ предполагали иниціаторы демонстраціи. Когда въ день похоронъ они подошли къ заводу, то видъ одѣтой по-праздничному толпы произвелъ на нихъ расхолаживающее впечатлѣніе: толпа показалась имъ слишкомъ буржуазной, и они рѣшили не выступать съ рѣчью.

Вся процедура похоронъ прошла мирно; хотя полиція въ значительномъ количествѣ все время была настороже, готовая придраться къ малѣй-

шему поводу, но толпа оставалась все время спокойной.

«Но когда все было кончено, и настало время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый намъ полный, рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

— Господа, — воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — мы хоронимъ сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками[1]), а попечительнымъ начальствомъ. Наше началь...

Его прервали.

Раздались полицейскіе свистки, и околоточный надзиратель положилъ ему руку на плечо со словами: «Я васъ арестую». Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто бы буржуазною приличностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей волной, а пытавшійся взять его околоточный не совсѣмъ твердымъ голосомъ извинялся передъ публикой.

— Вѣдь я же не могу иначе, господа: я самъ отвѣчаю за безпорядки передъ начальствомъ.

— Разсказывай! Вотъ мы тебя вздуемъ, такъ ты впередъ не будешь соваться, куда не слѣдуетъ! — отвѣчали ему изъ толпы.

— Бей его! — кричали наиболѣе ожесточенные.

Положеніе полиціи становилось критическимъ. Здѣсь, на далекомъ Смоленскомъ кладбищѣ, она была совершенно безсильна передъ этой тысячью разъяренныхъ рабочихъ. Но ее спасло именно ея очевидное для всѣхъ безсиліе.

[1]) Дѣло было во время русско-турецкой войны.

— Братцы, что-жъ мы ихъ будемъ бить, — сказалъ чей-то голосъ. — Насъ много, ихъ мало, — стыдно намъ съ ними связываться. Пускай себѣ идутъ по домамъ; никого изъ насъ они тронуть не посмѣютъ.

Эта, не то дипломатическая, не то дѣйствительно великодушная рѣчь нѣсколько успокоила рабочихъ. Крики поутихли; публика перестала угрожать полиціи побоями, но, съ другой стороны, не хотѣла и отпустить ее съ миромъ, такъ какъ боялась, что она прослѣдитъ и арестуетъ оратора. Толпа раздѣлилась на двѣ части: одна окружила полицейскихъ, другая сплотилась вокругъ оратора и торжественно повела его къ воротамъ. Онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ такой чести и сконфуженно посматривалъ на товарищей, шумно выражавшихъ ему свое сочувствіе. Всѣ окружавшіе громко ругали начальство и полицію. Мнѣ особенно бросилась въ глаза худая, маленькая старушка, которая, ни къ кому не обращаясь въ частности и какъ будто разговаривая сама съ собой, съ жаромъ повторяла, что надо постоять за своего человѣка»[1]).

Этотъ дружный отпоръ, которымъ рабочіе патроннаго завода отвѣтили на попытку полиціи арестовать одного изъ ихъ товарищей, ясно показывалъ, что при случаѣ они сумѣютъ постоять за свои интересы, не побоятся пойти противъ начальства и дѣйствовать скопомъ, — нужно только, чтобы были затронуты дѣйствительно ихъ жизненные интересы.

Если похороны и не вылились въ демонстрацію противъ правительства, то онѣ достаточно хорошо демонстрировали тогдашнимъ революціонерамъ гроз-

[1]) «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», стр. 24—25.

ную силу рабочаго класса, выросшія въ его нѣдрахъ солидарность и умѣнье дѣйствовать сообща. Не менѣе хорошее впечатлѣніе произвели похороны и на самихъ рабочихъ: онѣ закрѣпили въ нихъ то братское чувство солидарности, которое вырабатывала въ нихъ вся предшествующая, полная тяжелыхъ лишеній жизнь подъ стукъ фабричнаго молота. Революціонерамъ же эти похороны, кромѣ того, показали, что рабочіе въ рѣшительную минуту не испугаются союза съ ними и будутъ видѣть въ нихъ своихъ дѣйствительныхъ друзей.

И, дѣйствительно, новыя боевыя стычки были уже не за горами. Не успѣли петербургскіе рабочіе забыть про демонстрацію на похоронахъ, какъ въ мартѣ 1878 года неожиданно вспыхнула стачка на Новой бумагопрядильнѣ, а за ней начался довольно продолжительный періодъ самой упорной стачечной борьбы, то вспыхивавшей сразу на нѣсколькихъ фабрикахъ, то прорывавшейся спорадически.

Новая бумагопрядильня была одной изъ самыхъ крупныхъ фабрикъ на Обводномъ каналѣ; на ней работало болѣе 2000 рабочихъ, по большей части людей довольно сѣрыхъ, лишь недавно покинувшихъ обстановку деревенской жизни и не успѣвшихъ еще, какъ слѣдуетъ, вывариться въ фабричномъ котлѣ. Существовалъ на этой фабрикѣ, правда, и революціонный кружокъ, въ который входило человѣкъ 10—12 рабочихъ, но это была большею частью зеленая фабричная молодежь, въ революціонныхъ дѣлахъ малоопытная и не пользовавшаяся особеннымъ вліяніемъ въ кругу своихъ товарищей...

Стачка началась изъ-за сокращенія заработной платы и введенія новыхъ фабричныхъ правилъ, сущность которыхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ сводилась также къ удешевленію рабо-

чей силы. Хозяйская алчность и наглость такъ рѣзко били въ глаза, что рабочіе дружно забастовали, но эти же качества новой хозяйской прижимки породили въ нихъ иллюзію, что само начальство должно вступиться за нихъ, разъ только ему станутъ извѣстны новыя правила. Напрасно болѣе сознательные изъ нихъ — члены революціоннаго кружка и другіе какіе-то незнакомые люди, которыхъ раньше не было видно, одѣтые какъ будто совсѣмъ не по-фабричному, но тянувшіе ихъ же руку — совѣтовали съ самаго начала плюнуть на начальство и надѣяться только на самихъ себя, — полусѣрая, политически неразвитая масса продолжала стоять на своемъ, не слушаясь никакихъ доводовъ.

Видя, какъ трудно разубѣдить рабочихъ въ начальнической заботливости, революціонеры рѣшили уступить имъ и предоставить на собственномъ опытѣ убѣдиться, какъ велика забота правительства о нуждахъ рабочаго класса. Они, конечно, напередъ знали, что всѣ эти надежды должны въ концѣ концовъ рухнуть, разбившись при столкновеніи съ суровою дѣйствительностью, принеся рабочимъ лишь одно разочарованіе, но они правильно поняли, что такое разочарованіе лучше всякихъ словъ убьетъ въ нихъ прежнюю вѣру въ начальство, отучитъ во второй разъ обращаться за помощью къ волкамъ, и на мѣсто прежней вѣры, заложитъ прочное убѣжденіе, что въ своей борьбѣ они могутъ полагаться только на свои силы.

Прежде всего рабочіе обратились за помощью къ приставу, который принялъ сперва ихъ ходоковъ очень любезно, обѣщалъ даже переговорить съ управляющимъ фабрикой, но затѣмъ, снесясь съ высшимъ начальствомъ, рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ стачечникамъ и, когда рабочіе, наскучивъ ожиданіемъ отвѣта отъ него, послали къ

нему вторично ходоковъ, встрѣтилъ послѣднихъ уже по иному: обозвалъ бунтовщиками, пригрозилъ строгимъ наказаніемъ и сталъ требовать, чтобы рабочіе немедленно принялись за работу, подчинившись новымъ правиламъ.

Измѣна пристава и его нравоученіе не убѣдили, однако, рабочихъ: они увидѣли въ этомъ подвохъ. «Снюхался съ управляющимъ», — говорили они про пристава и рѣшили идти къ градоначальнику.

Когда же и здѣсь ихъ постигла неудача, стали раздаваться голоса, что надо подать прошеніе самому наслѣднику: онъ ужъ не станетъ тянуть руку управляющаго.

За составленіемъ прошенія рабочіе обратились къ самимъ революціонерамъ. Какъ ни открещивались тѣ отъ такого порученія, какъ ни морщились, но всетаки имъ пришлось его составить. Зато и само прошеніе, вышедшее изъ-подъ ихъ пера, очень мало напоминало обычныя слезныя моленія, а скорѣе было гордымъ требованіемъ, обращеннымъ къ власти. Одобренное сначала заводскимъ революціоннымъ кружкомъ, оно было представлено на разсмотрѣніе остальныхъ рабочихъ бумагопрядильни и очень имъ понравилось.

Кто-то изъ рабочихъ взобрался на кучу каменнаго угля и оттуда громогласно началъ читать «прошеніе».

«Вашему Императорскому Высочеству, — говорилось въ немъ, — небезызвѣстно, какіе плохіе были отведены намъ надѣлы и какъ сильно страдаемъ мы отъ малоземелья»...

— Вѣрно, вѣрно, — гремѣла толпа: — только званіе, что земля, а пользы отъ нея никакой!

«Вашему Императорскому Высочеству небезъизвѣстно также, что за эти плохіе надѣлы мы платимъ тяжелыя подати». — продолжалъ чтецъ.

— И это такъ, и это вѣрно! — одобряли слушатели: — вздохнуть не даютъ съ податями!

«Вашему Императорскому Высочеству небезъизвѣстно, наконецъ, съ какою жестокостью взыскиваются съ насъ эти тяжелыя подати, — раздавалось съ высокой каменноугольной трибуны, — нужда гонитъ насъ на заработки въ городъ, а здѣсь насъ на каждомъ шагу притѣсняютъ фабриканты и полиція». Далѣе слѣдовалъ разборъ вызвавшихъ стачку новыхъ правилъ, а въ заключеніе говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочіе ждутъ ее отъ наслѣдника престола, но если и онъ не обратитъ вниманія на ихъ просьбу, то ясно будетъ, что имъ остается надѣяться только на самихъ себя.

Заключеніе также найдено было очень разсудительнымъ.

— Если и отъ наслѣдника ничего не добьемся, то ужъ надо будетъ, какъ-никакъ, поправляться самимъ, — рѣшили слушатели.

Но у рабочихъ, повидимому, уже при составленіи прошенія не было прежней непоколебимой увѣренности въ томъ, что наслѣдникъ долженъ непремѣнно уважить ихъ просьбу. Прежній горькій опытъ съ приставомъ и градоначальникомъ успѣлъ поколебать ихъ наивную вѣру въ заступничество власти, и теперь не находилось никого, кто бы соглашался идти ходокомъ къ Аничкову дворцу. Рѣшили, поэтому нести прошеніе всей толпой. Въ назначенный день прошеніе было отнесено, и его принялъ отъ рабочихъ градоначальникъ и понесъ во дворецъ для передачи самому наслѣднику. Изъ окна дворца кто-то наблюдалъ за церемоніей передачи прошенія, и рабочіе потомъ увѣряли, что то былъ самъ наслѣдникъ. Всего вѣроятнѣе, что имъ это только показалось, но тѣмъ не менѣе никто ужъ потомъ не сталъ говорить, что ихъ прошеніе скрыли отъ наслѣдника. А когда и это прошеніе

осталось безъ отвѣта, тогда и самые маловѣрные должны были согласиться, что незачѣмъ было апеллировать къ власти.

— Нечего было и ходить къ нему, только сапоги трепали, — говорили теперь всѣ, кто прежде, энергичнѣе другихъ, настаивалъ на подачѣ прошенія.

Стачка между тѣмъ затянулась; рабочіе были уже истощены и скоро сдались, послѣ кое-какихъ уступокъ со стороны капиталиста. Но сдались они уже не какъ рабы, а съ затаеннымъ чувствомъ протеста, съ надежной побѣдить въ другой разъ, собравшись съ силами и просвѣтленные сознаніемъ, что въ будущей борьбѣ они могутъ надѣяться только на самихъ себя; наивной вѣры въ заступничество власти не осталось и слѣда: она стала уступать мѣсто трезвому взгляду на вещи. Оппозиціонное же настроеніе рабочихъ не только не убавилось, но, наоборотъ, еще возросло и не замедлило проявиться по самому незначительному поводу. 8-го ноября рабочіе этой фабрики, находя, что ихъ достаточно эксплоатируютъ согласно новымъ правиламъ, рѣшили устроить себѣ праздникъ и отказались работать, мотивируя свое отсутствіе тѣмъ, что въ Михайловъ день работать грѣхъ. Начальство, конечно, озлилось, но подѣлать ничего не могло — день былъ упущенъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропадала и вся довольно внушительная сумма прибавочной стоимости, которую оно привыкло ежедневно выжимать изъ 2000 рабочихъ. Чтобы хоть какъ-нибудь наверстать упущенное, оно рѣшило увеличить работу на фабрикѣ на ¼ часа до тѣхъ поръ, пока изъ этихъ кусочковъ времени не составится лишній рабочій день. Но осуществить это ему не удалось: два дня рабочіе, хотя и съ неудовольствіемъ, мирились съ новымъ порядкомъ, но на третій день кто-то придумалъ завернуть ровно въ 8 часовъ

главный газопроводный кранъ, и рабочіе съ криками, густой толпой, повалили изъ фабрики, испортивъ на ходу нѣсколько основъ и выбивъ нѣсколько оконныхъ стеколъ. Несмотря на всѣ старанія фабричнаго начальства и самой полиціи, не замедлившей наводнить всю фабрику, найти виновныхъ не удалось. Напрасно приставъ таскалъ рабочихъ къ себѣ въ участокъ, то угощая водкой и апельсинами, то грозя высылкой въ Архангельскую губернію, — рабочіе никого не выдали; только одна женщина, работавшая вблизи газопроводнаго крана, показала, что потушилъ газъ какой-то человѣкъ съ лицомъ, обвязаннымъ передникомъ. Такъ и пришлось ограничиться лишь одной острасткой; да заводское начальство не рѣшалось болѣе заставлять рабочихъ отрабатывать по ¼ часа лишнихъ въ день. Но уступивъ въ этомъ, оно затаило въ душѣ желаніе положить конецъ строптивости рабочихъ и стало намѣчать лицъ, энергичнѣе другихъ принимавшихъ участіе въ волненіяхъ, надѣясь этимъ путемъ добиться спокойствія и покорности со стороны остальныхъ.

Въ то время, какъ все описанное происходило среди рабочихъ Новой бумагопрядильни, не было спокойно и на остальныхъ фабрикахъ; вся рабочая масса глухо волновалась, чувствуя на себѣ усилившійся за время кризиса гнетъ, и то тамъ, то здѣсь возникали недоразумѣнія, вспыхивали стачки.

Еще въ августѣ того же года вспыхнула стачка на фортепіанной фабрикѣ Беккера, хозяинъ которой рѣшилъ согнать рабочихъ одной мастерской съ занимаемой ими у него квартиры, чтобы заодно сократить свои расходы по отопленію и освѣщенію этого помѣщенія. Половина согнанныхъ такимъ образомъ рабочихъ были нѣмцы, привыкшіе у себя на родинѣ къ стойкой борьбѣ за свои интересы. Они и здѣсь возмутились грубой прижимкой хо-

зяина и потребовали соотвѣтственнаго повышенія заработной платы. Къ нимъ примкнули, конечно, и русскіе рабочіе, и на третій день хозяинъ принужденъ былъ уступить и согласиться на повышеніе заработной платы.

Въ концѣ сентября этого же года задумали понизить заработную плату хозяева табачныхъ фабрикъ Мирчи и Шапшалъ. На той и на другой фабрикѣ работали исключительно женщины, но и ихъ задѣла за живое новая прижимка. Заработокъ ихъ, и безъ того низкій, при новой сбавкѣ грозилъ имъ новыми тяжелыми лишеніями; онѣ отказались работать на новыхъ условіяхъ и заявили объ этомъ приказчику; когда же тотъ вздумалъ отвѣтить бранью, то палочки и машинки для папиросъ полетѣли за окно; перепуганный приказчикъ поспѣшилъ послать за хозяиномъ фабрики, и тотъ былъ принужденъ обѣщать оставить прежнюю плату. Такъ же неудачна была попытка понизить плату и на второй фабрикѣ.

26-го сентября на этой фабрикѣ появилось слѣдующее объявленіе:

«Мастерицамъ табачной фабрики Шапшалъ!

Симъ объявляю, что, по случаю остановки товара, я сбавляю съ каждой тысячи папиросъ 10 коп.

Шапшалъ».

Но это объявленіе было моментально сорвано и на его мѣстѣ появилось другое:

«Хозяину табачной фабрики Шапшалъ!

Мы, мастерицы вашей фабрики, симъ объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.

Мастерицы вашей фабрики»[1]).

---

[1]) «Земля и Воля», № 3 (1879 г.), стр. 15.

И здѣсь мастерицы держались удивительно дружно и не только не согласились работать на новыхъ условіяхъ, но и не выдали писавшей объявленіе. Администраціи и здѣсь пришлось уступить, и плата осталась прежняя.

То обстоятельство, что пониженіе платы на обѣихъ табачныхъ фабрикахъ произошло одновременно и было одинаково, позволяетъ предположить, что оба фабриканта дѣйствовали со взаимнаго согласія, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ; но ихъ предпринимательскіе аппетиты разбились объ удивительную стойкость работницъ.

Не успѣлъ рабочій Петербургъ забыть обо всѣхъ этихъ стачкахъ, какъ въ концѣ ноября забастовали рабочіе на фабрикѣ Кенига, что за Нарвской заставой. Эксплоатація рабочихъ на этой фабрикѣ была самая вопіющая: при 14-ти часовомъ рабочемъ днѣ и поштучной работѣ рабочій вырабатывалъ не болѣе 17—20 руб. Но и этого фабриканту было мало; хотя работа по условію должна была начинаться въ 5 часовъ утра и кончаться въ 8 часовъ вечера, съ перерывомъ въ 1 часъ на обѣдъ, фабрикантъ пускалъ машины въ ходъ за четверть часа до условленнаго времени и штрафовалъ всѣхъ, кто опаздывалъ.

«Если при расчетѣ, происходящимъ 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца, рабочій позволитъ себѣ спросить, на какомъ основаніи сдѣланъ тотъ или другой вычетъ изъ слѣдуемыхъ ему денегъ, его штрафуютъ снова. Если хозяинъ не пріѣзжалъ ко дню расчета и рабочіе освѣдомлялись, когда же они получатъ «жалованье», — они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машины, за мѣстоименіе «ты», употребленное въ разговорѣ съ мастеромъ, и т. д., и т. д. О прогульныхъ дняхъ нечего и говорить; несмотря на то, что плата была

поштучная, за каждый прогульный день рабочій долженъ былъ проработать 2 дня безплатно».

Словомъ, хозяйская рука разгуливала во всю по горбу рабочаго, позволяя себѣ нагло издѣваться надъ его личностью; тѣмъ большею неожиданностью для этой хозяйской руки было, когда въ одинъ прекрасный ноябрьскій день всѣ рабочія руки, до того времени раболѣпно созидавшія ему порядочную прибыль и покорно сносившія его самодурство, вдругъ заявили, что они тоже люди и хотятъ болѣе сносныхъ условій работы.

Началась стачка у Кенига по слѣдующему поводу. При производствѣ работы на бумагопрядильныхъ фабрикахъ всегда остаются отбросы, которые образуютъ цѣлыя кучи такъ называемой «пыли». До самаго послѣдняго времени сортировкой этой «пыли» у Кенига занимались особыя работницы. Но въ ноябрѣ хозяинъ фабрики, придумывая новые способы для увеличенія милой его предпринимательскому сердцу прибыли, рѣшилъ, что эту работу можно съ успѣхомъ возложить на дѣтей, эксплоатировать трудъ которыхъ онъ также не брезгалъ, но которыя и безъ того были заняты другой работой.

Предпринимательское око Кенига видѣло, что, при умѣніи, изъ мальчиковъ можно выжать больше того, что онъ выжималъ раньше, и его душа уже предвкушала незнакомое простымъ смертнымъ сладострастное чувство накопленія, какъ вдругъ мальчики заупрямились и отказались вообще работать, если съ нихъ не будетъ снята новая обуза. Самъ Кенигъ, не привыкшій вообще церемониться со своими рабочими, хотѣлъ прогнать строптивыхъ и замѣнить ихъ новыми, но послѣдніе вдругъ получили неожиданную поддержку со стороны старшихъ рабочихъ, которые отказались работать, если не будутъ удовлетворены требованія ихъ подручныхъ.

На фабрикѣ Кенига въ то время революціонная пропаганда совершенно не велась, но слухи о томъ, что существуютъ какіе-то люди, помогающіе рабочимъ, дошли и до нихъ, и потому, начавъ стачку, они въ тотъ же день отправили нѣсколько человѣкъ на Обводный каналъ, чтобы разузнать тамъ, «какъ найти этихъ людей, помогающихъ рабочимъ».

Не отбило охоты сойтись ближе съ революціонерами и запугиваніе полиціи, которая неоднократно грозила рабочимъ Сибирью за сношенія съ бунтовщиками. Умудренные опытомъ рабочихъ на Новой бумагопрядильнѣ и своимъ собственнымъ, рабочіе Кенига шли болѣе или менѣе сознательно на знакомство съ революціонерами, научаясь понемногу политической мудрости отличать враговъ отъ друзей.

Если сравнить ихъ отношеніе къ революціонерамъ съ отношеніемъ рабочей массы на Новой бумагопрядильнѣ, получится довольно значительная разница.

Во время стачки на Новой бумагопрядильнѣ жизнь въ первый разъ поставила рабочую массу лицомъ къ лицу съ революціонерами. Революціонеры знали, конечно, зачѣмъ они идутъ къ рабочимъ, хотя и не совсѣмъ вѣрно учитывали роль рабочаго класса въ разгоравшейся борьбѣ съ деспотизмомъ. Но политически неопытная еще рабочая масса никакъ не могла взять въ толкъ, что за люди революціонеры и изъ какихъ побужденій они помогаютъ рабочимъ.

На этотъ счетъ среди рабочихъ существовали самыя дикія представленія. Одни ихъ смѣшивали съ «фискалами», т. е. попросту со шпіонами, другіе же считали ихъ тайными агентами самого царя, который самъ хочетъ помочь рабочимъ, но ему мѣшаютъ придворные и чиновники, и вотъ онъ под-

сылаетъ этихъ людей, чтобы они донесли ему всю правду. Только въ процессѣ самой борьбы научились рабочіе отличать революціонера отъ «фискала» и стали понимать, что эти люди не только не имѣютъ ничего общаго съ придержащею властью, но и являются самыми заклятыми ея врагами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они научались цѣнить знаніе и опытъ этихъ людей и внимательнѣе относиться къ ихъ совѣтамъ. Все это стало яснымъ для рабочихъ, конечно, не сразу, но во время стачки у Кенига уже сказались результаты этого опыта. Теперь ужъ никакія полицейскія строгости и запугиванія не дѣйствовали на рабочихъ; они продолжали свои сношенія съ революціонерами и, опираясь на ихъ поддержку, продолжали твердо стоять на своемъ.

Стачка окончилась пораженіемъ рабочихъ: Кенигъ разсчиталъ ихъ всѣхъ и набралъ себѣ новыхъ, но у рабочихъ такой исходъ ихъ борьбы не убилъ вѣры въ правоту дѣла, за которое они такъ энергично боролись, — наоборотъ, пріучилъ ихъ къ стойкости, къ умѣнію не бояться лишеній и разрушилъ много старыхъ предразсудковъ. Революціонеры же приложили всѣ усилія, чтобы придти на помощь стачечникамъ и постарались пристроить ихъ на другихъ фабрикахъ.

Новыя стачки въ слѣдующемъ — 1879 — году еще нагляднѣе показали, что вся предшествующая борьба не пропала даромъ для рабочаго класса, но многому научила его.

15-го января на Новой бумагопрядильнѣ было вывѣшено объявленіе, по которому 44 ткача приглашались взять расчетъ, а мастеръ далъ и комментаріи къ этому факту, пояснивъ, что выгоняютъ ихъ за «бунтовство» и такъ будутъ поступать со всѣми, кого начальство сочтетъ неблагонадежнымъ.

Общій взрывъ негодованія прервалъ эту нахаль-

ную рѣчь мастера; объявленіе было изорвано, и ткачи, прекративъ работу, разбрелись по домамъ.

Слухи о стачкѣ съ быстротой молніи распространились по всему Петербургу. На фабрикѣ Шау за Нарвской заставой, гдѣ эксплоатація рабочей силы давно ужъ давала себя чувствовать, эти слухи вызвали всеобщее сочувствіе, и рабочіе сами рѣшили забастовать. На слѣдующій же день человѣкъ 30—40 ткачей съ этой фабрики явились на Обводный каналъ, чтобы сообща съ рабочими Новой бумагопрядильни обсудить положеніе и выработать общія требованія. Общихъ требованій выработать, однако, не удалось, такъ какъ условія работы на обѣихъ фабрикахъ нѣсколько разнились, и у рабочихъ съ фабрики Шау дѣло осложнялось тѣмъ, что хозяинъ эксплоатировалъ ихъ не только какъ рабочую силу, но и какъ потребителей, заставляя закупать всѣ продукты у себя въ лавочкѣ.

Поэтому требованія вышли нѣсколько разныя.

Общими были пункты объ отмѣнѣ штрафовъ за поломку инструментовъ, о наблюденіи выборныхъ отъ самихъ рабочихъ при браковкѣ работы, объ уплатѣ за время стачки.

На общемъ собраніи было также рѣшено обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ за помощью, а также, что первые сборы должны достаться рабочимъ Шау, такъ какъ ихъ хозяинъ могъ сильнѣе принажать, переставъ отпускать продукты изъ своей лавки. Въ случаѣ побѣды на одной изъ фабрикъ, эти рабочіе обязывались удѣлять бастующимъ часть своего заработка, пока и ихъ требованія не будутъ удовлетворены.

Чрезвычайно любопытны тѣ воззванія, съ которыми обратились рабочіе обѣихъ фабрикъ ко всѣмъ петербургскимъ товарищамъ. Оба воззванія были написаны самими рабочими и выпукло характеризуютъ какъ настроеніе рабочихъ въ то

время, такъ и степень ихъ политической сознательности.

«Братья! — писали рабочіе съ Новой бумагопрядильни. — У насъ, на Новой канавѣ [1]), стачка уже не въ первый разъ.

Недавно также была стачка у Кенига за Нарвской заставой, — каждый разъ мы писали просьбы, обивали пороги у всякаго начальства; теперь мы видимъ, что начальство стоитъ за хозяевъ, а не за рабочихъ, и никогда хозяина на рабочихъ не смѣняетъ! [2]).

Что же намъ дѣлать? Неужели же позволять хозяевамъ мудрить надъ нами, какъ имъ вздумается?

Оттого надъ нами и брали верхъ, что не дружно мы стояли. Не только съ разныхъ мастерскихъ, а съ разныхъ фабрикъ должны помогать другъ другу... Поддержите насъ — соберите у себя сборъ, кто что можетъ; мы назначимъ у себя выборныхъ и дадимъ кому побѣднѣе».

Та же мысль проводится и въ воззваніи рабочихъ съ фабрики Шау:

«У каждаго много неудовольствій на хозяина; много разъ пытались мы дѣйствовать по-одиночкѣ. Рѣдко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы же кланялись хозяевамъ, чтобы опять приняли къ себѣ.

Да врозь намъ и тягаться нечего. У нихъ деньги, за нихъ начальство; каждый разъ, чуть что заговорятъ рабочіе, — сейчасъ: «вы — бунтовщики; васъ за это туда, сюда!»

Теперь надо попробовать дѣйствовать дружно, вмѣстѣ!

---

[1]) Этимъ именемъ рабочіе окрестили Обводный каналъ.

[2]) Когда, на этотъ разъ сами революціонеры, напомнили рабочимъ о подачѣ прошенія, тѣ только смѣялись въ отвѣтъ: Вотъ дураки-то были, — говорили они.

Вѣрьте, братья, такъ лучше будетъ! Вѣдь насъ здѣсь однихъ фабричныхъ — сила; пусть-ка они попробуютъ одолѣть насъ всѣхъ.

Теперь мы такъ и будемъ дѣлать. Какъ гдѣ бросили работу, другіе, чтобы помогать: самимъ нельзя пристать, такъ хоть деньгами помочь».

Оба воззванія кончались возгласомъ: «Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!»

Этотъ призывъ къ солидарности былъ брошенъ въ рабочую массу тогдашними революціонерами, которые помѣстили его въ одной изъ своихъ прокламацій, выпущенной незадолго до послѣдней стачки.

Но этотъ призывъ тотчасъ же былъ подхваченъ самими рабочими; ихъ привела къ этому же выводу сама борьба, но сами они не сумѣли выразить это такъ кратко и ясно.

«Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!» Съ этого момента этотъ кличъ заканчиваетъ всѣ воззванія, написанныя самими рабочими.

Съ особенной непосредственностью и боевымъ энтузіазмомъ вырвался онъ изъ груди рабочихъ у Макселя.

Г. В. Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что однажды ему, какъ редактору издававшейся въ то время въ Петербургѣ революціонной газеты «Земля и Воля», подали запечатанный конвертъ, въ которомъ онъ нашелъ два листка, которые были исписаны каракулями, удостовѣрявшими, что писавшая ихъ рука привыкла болѣе обходиться съ веретеномъ, чѣмъ съ перомъ, и которые были озаглавлены: «Голосъ рабочево народа, живущаго и работающаго у подлеца Макселя».

Помимо обычныхъ способовъ эксплоатаціи рабочихъ, на фабрикѣ Макселя доходной статьей для ея хозяина были выстроенныя имъ казармы, жить въ которыхъ онъ приневоливалъ своихъ рабочихъ.

Наболѣвшее чувство рабочаго человѣка, видѣв-

шаго ясно всѣ хозяйскія прижимки и чувствовавшаго свое собственное безсиліе, пока онъ одинъ, сказалось удивительно ясно и сильно въ слѣдующихъ строкахъ, заимствуемыхъ нами изъ этой прокламаціи:

«Обѣщалъ намъ хозяинъ всякихъ милостей, да недождаться намъ отъ него ничего, какъ отъ козла ни шерсти, ни молока.

Вогнали насъ жить въ домъ Макселя, да заставили платить за уголъ по 2 р. 25 коп. въ мѣсяцъ съ каждаго человѣка. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ болѣе 90 человѣкъ, — значитъ, за четырето съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру болѣе 85 тысячъ. А онъ, свинья, недоволенъ нами, и если кто захочетъ по своей надобности выѣхать изъ этого проклятаго гнѣзда, такъ сейчасъ даетъ расчетъ и говоритъ: А! Такъ ты хочешь получать жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! Хозяинъ тебя кормитъ, — значитъ, ты ему и свой заработокъ отдай; а не хочешь — ступай на всѣ четыре стороны!

А нешто, братцы, кормитъ насъ онъ? Вишь, бѣдный, самъ голодомъ сидитъ! Видно, отъ того у него и пузо-то лопнуть хочетъ! Нѣтъ, братцы, онъ отъ насъ только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу!...

Такъ будемъ, друзья, поумнѣй!... А то скоро хозяинъ совсѣмъ разжирѣетъ, — сядетъ на насъ, да и поѣдетъ... Встанемъ же подружнѣй, надавимъ хозяина, подлеца, посильнѣй, да будемъ говорить посмѣлѣй!

Братцы! всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!»

Между тѣмъ стачка продолжала разрастаться. Къ ткачамъ на Новой бумагопрядильнѣ черезъ нѣсколько дней присоединились прядильщики. Возваніе рабочихъ, попадая на другія фабрики, всюду вызывали сочувствіе и стремленіе такъ или иначе

помочь товарищамъ въ нуждѣ. Во многихъ мѣстахъ производились въ пользу стачечниковъ сборы, а кое-гдѣ дѣло дошло и до стачекъ. Такъ, на Выборгской сторонѣ чуть было не вспыхнула стачка изъ-за ареста одного рабочаго, заподозрѣннаго въ разбрасываніи прокламацій. На ткацкой же фабрикѣ Чешера рабочимъ удалось, при помощи одной угрозы стачкой, добиться повышенія платы.

Волненія рабочихъ происходили также на Охтѣ и въ другихъ мѣстахъ, — всюду чувствовалось пробужденіе отъ сна грознаго великана, чья мускулистая рука, по пророческому предсказанію Петра Алексѣева, должна была въ концѣ концовъ разрушить до основанія «царство гнета, насилія и тьмы».

Но это пробужденіе чувствовали не только сами рабочіе, — его тотчасъ же почувствовала и русская полиція, агенты которой принялись шнырять по рабочимъ кварталамъ, намѣчая главарей и тотчасъ же ихъ арестовывая. Всего больше свирѣпствовала полиція въ районѣ забастовавшихъ фабрикъ, но и въ другихъ мѣстахъ она не переставала арестовывать и высылать изъ столицы отдѣльныхъ рабочихъ, разъ слышала съ ихъ стороны рѣзкое сужденіе или явное недовольство своимъ положеніемъ.

Эти полицейскія неистовства дѣйствовали на рабочую массу двоякимъ образомъ: однихъ они запугивали, какъ бы временно оглушали, на другихъ же, уже пріученныхъ предшествовавшей борьбой, они оказывали лишь ожесточающее вліяніе, но и въ тѣхъ, и въ другихъ все больше и больше, подъ вліяніемъ этого полицейскаго воздѣйствія, открывались глаза на самую сущность общественныхъ отношеній, на роль власти въ ихъ борьбѣ и на собственную роль — роль рабочаго класса въ современномъ обществѣ.

Конечно, и теперь еще рабочій не отмежевался окончательно отъ другихъ классовъ общества и не научился противопоставлять себя самого, какъ цѣлое, классу капиталистовъ; онъ не научился еще видѣть въ правительствѣ лишь организацію классового господства надъ нимъ самимъ и надъ остальными угнетаемыми слоями народа, но вся исторія его борьбы ясно говоритъ, что русскій пролетаріатъ шелъ прямою дорогой въ дѣлѣ выработки своего классового самосознанія, въ дѣлѣ выработки основныхъ элементовъ соціально-демократическаго міросозерцанія.

Указывая выше на роль революціонной пропаганды въ рабочей средѣ, мы говорили о нѣкоторыхъ недостаткахъ этой пропаганды, именно объ отсутствіи въ ней элементовъ, которые помогали бы рабочимъ вырабатывать свое собственное классовое міросозерцаніе. Эти замѣчанія касались, однако, одной лишь пропаганды; дѣло агитаціи у тогдашнихъ революціонеровъ, надо имъ отдать справедливость, стояло гораздо выше по той простой причинѣ, что здѣсь революціонеры должны были плыть за общей волной стихійнаго движенія, подчиняясь его неумолимой логикѣ. Ихъ роль при этомъ, какъ людей съ большими знаніями, съ большимъ опытомъ, сводилась къ тому, чтобы, насколько возможно, координировать борьбу и ясно и понятно формулировать тѣ выводы, къ которымъ приводила эта борьба, и которые смутно сознавались и самими рабочими. То, что эту роль тогдашняя революціонная интеллигенція исполняла относительно хорошо, доказываетъ какъ довѣріе къ ней рабочей массы, постепенно возраставшее, такъ и быстрое восприниманіе ею выставляемыхъ лозунговъ. Правда, въ одномъ отношеніи недостатокъ сказывался и въ области агитаціи: революціонеры не стремились использовать всѣ факты вмѣшательства власти въ

борьбу рабочихъ въ смыслѣ политической агитаціи и пропаганды опредѣленныхъ политическихъ требованій, но эта ошибка революціонеровъ была въ то время неизбѣжна, такъ какъ цѣликомъ покоилась на ихъ собственномъ народническомъ міровоззрѣніи, которое клеймило измѣной народному дѣлу всякое выставленіе требованій политической свободы.

Къ тому же то, что забывалось или не понималось самими руководителями борьбы, додѣлывала сама жизнь, толкая мысль рабочаго постоянно впередъ, на широкій просторъ, мимо того тупого переулка, въ которомъ завязла мысль революціонеровъ-народниковъ. Скоро сказались и результаты этого воздѣйствія самой жизни: рабочее движеніе въ лицѣ «Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ» отмежевалось отъ движенія народнической интеллигенціи, а рабочая мысль далеко опередила мысль народническую, которая продолжала еще топтаться на одномъ мѣстѣ.

Вернемся, однако, къ стачкѣ. Неистовства полиціи, какъ мы уже указывали, коснулись главнымъ образомъ рабочихъ Новой бумагопрядильни и Шау. Но въ то время, какъ послѣднихъ они запугали и довольно быстро принудили сдаться, на рабочихъ первой фабрики они не произвели другого дѣйствія, кромѣ озлобленія.

Собравшись на другой день послѣ одного изъ первыхъ набѣговъ полицейскихъ опричниковъ, рабочіе этой фабрики приняли единогласно слѣдующее заявленіе[1]):

«Мы, рабочіе съ Новой бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія.

Что же касается полиціи, то мы отказываемся

[1]) «Земля и Воля» № 4 (1879 г.), стр. 8.

отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи — люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ-либо, пусть судятъ ихъ у мирового, причемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности.

Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно даже существующимъ законамъ».

Это свое заявленіе они намѣревались представить градоначальнику уже какъ требованіе; но не успѣли рабочіе пройти и половины пути къ дому градоначальника, какъ на нихъ набросилась конная жандармская свора и изрядно побила и измяла, показавъ наглядно, какъ отвѣчаетъ правительство на требованія рабочихъ.

Между тѣмъ аресты и высылки продолжались своимъ чередомъ, а въ ночь послѣ побоища полиція особенно поусердствовала.

Печально встрѣтили утро слѣдующаго дня рабочіе Новой бумагопрядильни.

Въ нѣкоторыхъ квартирахъ не осталось ни одного жильца, и онѣ были заколочены, точно послѣ чумы. Въ другихъ — изъ 15 жильцовъ осталось всего 4—5 человѣкъ. Не было почти ни одной квартиры, гдѣ бы не былъ арестованъ хоть одинъ жилецъ.

Къ этому прямому насилію присоединилось, такъ сказать, косвенное. Полиція ходила по мелочнымъ лавкамъ и запрещала купцамъ выдавать рабочимъ въ долгъ провизію... Квартирныхъ хозяевъ, у которыхъ рабочіе снимали свои артельныя помѣщенія, понуждали требовать уплаты старыхъ долговъ, чтобы этимъ принудить рабочихъ выйти на работу»[1]).

---

[1]) Г. В. Плехановъ, Сочиненія, стр. 46.

Словомъ, всѣ пружины полицейскаго воздѣйствія были пущены въ ходъ, чтобы сломить упорство рабочихъ; но добиться этого было не такъ-то легко: они продолжали стоять на своемъ, героически перенося всѣ лишенія; въ минуты наивысшаго напряженія этой борьбы вся среда бастующихъ представляла изъ себя дѣйствительно братьевъ, почти одинокихъ среди враждебныхъ имъ силъ, но готовыхъ братски дѣлиться послѣдней копейкой, послѣднимъ кускомъ хлѣба.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ многихъ картинъ, рисующихъ отношеніе рабочихъ къ нуждѣ товарища.

«Стоитъ толпа рабочихъ, человѣкъ въ 80—90. Толкуютъ о положеніи дѣлъ; сообщаютъ о новыхъ подвигахъ полиціи; принимаютъ тѣ или другія рѣшенія.

— Послушайте, братья, — раздается изъ толпы голосъ, — я сегодня видалъ старика (называетъ имя); у него жена, ребятишки; вѣрите ли, купилъ онъ давеча утромъ на гривенникъ харча, а завтра что будетъ ѣсть — и самъ не знаетъ. Надо бы помочь!

— Надо, надо! — соглашается толпа.

— Эй, Ванюха! обходи народъ съ шапкой!

Ванюха снимаетъ картузъ и обходитъ присутствующихъ. И тянется загрубѣвшая, мозолистая рука фабричнаго, и кидаетъ онъ въ шапку серебряныя и мѣдныя монеты, причемъ положившій мало считаетъ долгомъ извиниться собственнымъ стѣсненнымъ положеніемъ.

— Вотъ что, братья, я только 3 копейки кладу, — ну, ей-богу, самому ѣсть нечего.

— Знаемъ, знаемъ, — отвѣчаютъ ему — ты объ этомъ не говори, а кто что можетъ, то и клади!

Въ шапкѣ оказывается нѣсколько рублей, которые и вручаются кому-нибудь изъ присутствую-

щихъ для передачи по назначенію. Иногда тотъ, для кого дѣлаются такіе сборы, оказывается присутствующимъ въ толпѣ, и тогда деньги передаются ему непосредственно.

— Спасибо вамъ, братцы! — кланяется тронутый рабочій, — дай вамъ Богъ...

— Неначемъ, неначемъ! Мы должны помогать другъ дружкѣ; дѣло общее; мы тебѣ собрали отъ всего общества, — возражаютъ ему.

— Паукн[1]) черезъ заборъ глядятъ, — раздаются тоненькіе голоса подручныхъ, выставленныхъ на развѣдки, и толпа начинаетъ расходиться»[2]).

Рабочіе продержались еще около двухъ недѣль, но затѣмъ принуждены были сдаться, получивъ лишь самыя незначительныя уступки.

И, однако, несмотря на пораженіе, эта стачка имѣла огромное значеніе въ смыслѣ развитія рабочей солидарности и сознанія. Закаленный совмѣстной борьбой, пріучившись сообща сносить страданія и лишенія, русскій пролетаріатъ проникался сознаніемъ необходимости твердо стоять «каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго» и становился грознымъ для своихъ враговъ даже въ дни своего пораженія.

IV.

Рабочее движеніе на югѣ Россіи. «Южно-Русскій Рабочій Союзъ».

Рабочее движеніе не ограничивалось, конечно, однимъ Петербургомъ; но свѣдѣнія о немъ по остальной Россіи еще слишкомъ неполны и отрывочны.

Самыми выдающимися фактами изъ этой области были: стачка рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастер-

---

[1]) Такъ прозвали рабочіе шпіоновъ.

[2]) Земля и Воля» № 4 (1879 г.), стр. 9.

скихъ на Большомъ вокзалѣ въ Одессѣ въ 1877 г. и рабочія волненія въ Ростовѣ-на-Дону въ 1879 г.

Стачка въ Одессѣ была начата литейщиками изъ-за пониженія заработной платы. Она замѣчательна какъ своимъ упорствомъ, такъ и солидарностью всѣхъ остальныхъ литейщиковъ Одессы со стачечниками. Администрація мастерскихъ пыталась замѣнить забастовавшихъ рабочихъ другими съ частнаго завода, но туда «пришли литейщики-стачники; вышли тамошніе и побратались со стачниками»[1]).

Такъ же неудачна была и вторая попытка администраціи прекратить стачку, выписавъ рабочихъ изъ Херсона. Стачечники убѣдили пріѣхавшихъ отказаться отъ работы на вокзалѣ и постарались ихъ пристроить на другихъ заводахъ. Стачка продолжалась $3^1/_2$ недѣли, и за все это время ни одинъ одесскій литейщикъ не захотѣлъ пойти противъ своего же брата-рабочаго и ни одинъ не сталъ штрейкбрехеромъ.

Волненія въ Ростовѣ-на-Дону вылились въ форму бунта противъ полиціи. Накопляшееся чувство протеста въ рабочихъ массахъ прорвалось по поводу ареста одного рабочаго, котораго по дорогѣ въ участокъ полицейскіе немилосердно избивали. Толпа рабочихъ, на глазахъ у которой происходило это избіеніе, дрогнула и, какъ одинъ человѣкъ, бросилась отбивать у полиціи арестованнаго. Годы гнета и безправія успѣли накопить много горючаго матеріала, и чувство протеста противъ своего подневольнаго положенія, разъ проснувшись, разлилось широкой волной по всему Ростову. Отбивъ арестованнаго, толпа, состоявшая почти исключительно изъ рабочихъ и продолжавшая все время прибывать, принялась штурмовать

[1]) «Община» (1878 г.), №№ 3—4, стр. 27.

участки, эти современныя россійскія Бастиліи въ миніатюрѣ, и къ концу дня разгромила ихъ всѣ. Власти въ ужасѣ попрятались и бѣжали изъ города, и два дня весь Ростовъ находился въ рукахъ рабочихъ. Только на третій день прибывшія войска «водворили законный порядокъ».

Но эта стихійная вспышка не принесла, конечно, рабочимъ никакой реальной пользы, — она только показала имъ ихъ собственную грозную силу и такъ же быстро улеглась, какъ и началась.

На югѣ же были первыя попытки организовать рабочихъ въ союзы. Первый такой союзъ — «Южно-Русскій Рабочій Союзъ» — возникъ уже въ 1875 г.; въ немъ принимали участіе Е. О. Заславскій, итальянскій подданный М. И. Сквери, Янъ Рыбицкій, Ѳ. И. Кравченко, В. Я. Мрачковскій и др. «Союзъ» дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону, но просуществовалъ недолго.

Къ сожалѣнію, эта страница изъ исторіи нашего рабочаго движенія еще мало освѣщена, и о ней трудно сказать что-нибудь опредѣленное; а между тѣмъ эта страница является, повидимому, и наиболѣе интересной, такъ какъ представляетъ первую по времени попытку созданія самостоятельной рабочей организаціи съ самостоятельной программой. По нѣкоторымъ указаніямъ, эта программа «Союза» и довольно обширная объяснительная записка къ ней были составлены П. Аксельродомъ и мало чѣмъ отличались отъ программъ западноевропейскихъ рабочихъ партій того времени.

Но сама программа намъ пока неизвѣстна, и лишь въ обвинительномъ актѣ по дѣлу «Южно-Русскаго Союза» приводится отрывокъ ея, по которому эта рабочая организація ставила своею цѣлью: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ

классовъ, б) объединеніе рабочихъ Южно-Россійскаго края и в) будущую борьбу съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ [1]).

Въ 1880 г. подъ этимъ же именемъ въ Кіевѣ и Одессѣ возникъ новый союзъ, главными организаторами котораго были Е. Ковальская и Щедринъ. Но съ прежнимъ «Союзомъ» этотъ послѣдній не имѣлъ ничего общаго; его руководители были правовѣрными народниками и въ то же время являлись сторонниками экономическаго террора.

Рабочіе довольно охотно шли въ «Союзъ», особенно послѣ того, какъ угрозы его стали оказывать воздѣйствіе на фабрикантовъ и заставляли ихъ идти на уступки.

Пропаганда велась исключительно двумя названными выше лицами и характеромъ своимъ напоминали библейскія времена апостольской проповѣди. Обыкновенно поздно ночью гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Кіева собирались рабочіе; къ нимъ приходили Ковальская или Щедринъ и вели бесѣды на разныя темы. Число затронутыхъ этой пропагандой рабочихъ было довольно значительно — достигало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но слабой стороной организаціи было то, что въ ней не было другихъ активныхъ членовъ, кромѣ самихъ Ковальской и Щедрина, а они находили почему-то нужнымъ держать свои связи съ рабочими въ строгомъ секретѣ отъ остальныхъ революціонеровъ; поэтому, когда оба они были арестованы, «Союзъ», лишенный руководителей и не успѣвшій выдѣлить на эту роль никого изъ своей среды, тотчасъ же распался.

Трудно сказать, что давала кіевскимъ рабочимъ эта пропаганда въ смыслѣ ихъ классового воспитанія. По всей вѣроятности, и здѣсь она стра-

[1]) Базилевскій, «Государственныя преступленія въ Россіи», т. II, стр. 421.

дала тѣми же недостатками, что и на сѣверѣ, и потому оказывала очень незначительное вліяніе на рабочую массу.

Такіе же революціонные кружки рабочихъ, болѣе или менѣе значительные, существовали во многихъ промышленныхъ городахъ, гдѣ только революціонная интеллигенція пыталась заводить связи съ рабочей средой. Послѣдняя всегда оказывалась отзывчивой къ пропагандѣ соціалистическихъ идей и достаточно революціонно настроенной. И какъ ни незначительны были результаты этой пропаганды вслѣдствіе ея внутреннихъ недостатковъ, мы не можемъ всетаки отрицать за нею той заслуги, что она первая будила мысль рабочаго и толкала его на борьбу и протестъ противъ его непосредственнаго гнета.

А въ борьбѣ чувства и мысль рабочаго должны были еще болѣе закаляться, и жизнь додѣлывала то, отъ чего уклонялась рука революціонера, — въ рабочемъ стихійно пробуждался пролетарій, сознающій свою кровную связь со своими братьями и готовый переносить страданія и лишенія ради общей пользы.

Особенно сильнымъ должно было быть воздѣйствіе жизни тамъ, гдѣ сама борьба была всего сильнѣе, т. е. на сѣверѣ, — и, дѣйствительно, тамъ она привела рабочихъ къ идеѣ самостоятельнаго рабочаго движенія и къ выработкѣ самостоятельной рабочей программы.

V.

«Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ».

Если мысль рабочей массы, усваивавшей первые уроки классовой борьбы, шла прямымъ путемъ къ выработкѣ яснаго классового самосознанія, то

на болѣе развитый, передовой слой петербургскаго пролетаріата эта борьба должна была производить еще болѣе могучее воздѣйствіе.

Напомнимъ здѣсь, что классовая борьба западно-европейскаго пролетаріата въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія была тѣмъ непосредственнымъ толчкомъ, который заставилъ представителей тогдашней революціонной мысли подвергнуть новому пересмотру всю прежнюю исторію человѣчества и, въ результатѣ этого пересмотра, привелъ эту мысль въ лицѣ Маркса и Энгельса къ усвоенію основныхъ началъ научнаго соціализма.

Такимъ же революціонизирующимъ образомъ должна была дѣйствовать эта борьба и на передовой слой русскаго пролетаріата. У представителей его существовало уже опредѣленное міропониманіе, выработанное отчасти благодаря собственнымъ усиліямъ, отчасти же благодаря воздѣйствію революціонной интеллигенціи, и оно въ общемъ мало чѣмъ отличалось отъ міропониманія этой послѣдней, т. е. было въ большинствѣ случаевъ народническимъ.

Народническое же міросозерцаніе складывалось въ эпоху непосредственно предшествующую и слѣдовавшую за отмѣной крѣпостного права, когда общественныя отношенія были до невозможности перепутаны, а хозяйственный бытъ страны только что начиналъ складываться на капиталистическій образецъ. Поэтому революціонная мысль того времени невольно должна была платить дань царившей путаницѣ и такъ же невольно отражала ее въ программахъ. Но капитализмъ въ Россіи, по сравненію съ другими странами, шелъ впередъ гигантскими шагами. Мы уже указывали на роль иностраннаго капитала, который переносилъ къ намъ промышленность въ ея наиболѣе совершенной формѣ, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями

и приспособленіями, съ тысячами рабочихъ, сосредоточенными на одной фабрикѣ, съ персоналомъ обученныхъ рабочихъ и мастеровъ. На-ряду съ другими факторами, этотъ расцвѣтъ промышленности велъ непосредственно все къ большему разслоенію пореформеннаго общества на классы и создавалъ на глазахъ у всѣхъ новый классъ фабричныхъ рабочихъ. Къ срединѣ семидесятыхъ годовъ этотъ новый общественный классъ уже въ достаточной степени выкристаллизовался изъ остальной аморфной массы, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ силы, чтобы выступить на борьбу и попытаться добиться для себя сколько нибудь сносныхъ условій для существованія.

Этотъ новый фактъ не былъ, однако, учтенъ тогдашними революціонными программами; попытки учесть его, правда, были, но онѣ почти не коснулись программъ, а видоизмѣняли лишь тактику, т. е. способъ воздѣйствія на рабочихъ. Въ программахъ же народниковъ городской рабочій попрежнему не получалъ самостоятельной роли. А въ общественной жизни онъ началъ занимать съ каждымъ годомъ все большее значеніе, какъ самостоятельная грозная сила. Это несоотвѣтствіе между программой и жизнью не бросалось, конечно, рѣзко въ глаза, но оно уже и тогда наростало. Человѣческая мысль на этотъ разъ, какъ это всегда бывало и прежде, нѣсколько отстала отъ развитія самой жизни.

Но тѣмъ не менѣе это противорѣчіе, продолжая существовать, смутно давало себя чувствовать. Программа говорила одно, а жизнь диктовала другое. Особенно фальшиво должно было быть положеніе сознательныхъ рабочихъ. Народническая программа рисовала передъ ними широкія перспективы крестьянской соціальной революціи и звала ихъ «въ народъ», т. е. въ деревню, но крестьянскій на-

родъ спалъ и оставался по большей части глухъ къ ихъ призывамъ. Среди него городскіе рабочіе чувствовали себя чужими; они уже успѣли уйти далеко впередъ, и имъ порой было труднѣе подойти къ крестьянину и сблизиться съ нимъ, чѣмъ даже интеллигенту-революціонеру.

Они какъ-то инстинктивно держались за свою почву, такъ какъ успѣли уже сродниться съ жизнью города и его обстановкой. Да и «дѣла» для себя они видѣли больше здѣсь, чѣмъ въ деревнѣ, не могли не видѣть и того, что «работа» въ городѣ продуктивнѣй работы въ деревнѣ. А между тѣмъ вершителемъ судебъ родины былъ признанъ не городъ, а деревня; по программѣ народниковъ только деревня съ ея общиннымъ устройствомъ была готова къ соціалистическому строю, городъ же съ развивавшимся капиталистическимъ производствомъ и его продуктомъ — фабричнымъ пролетаріатомъ, т. е. въ томъ числѣ и ими самими, являлся лишь отрицательной величиной. Но на ихъ глазахъ пролетаріатъ, которому не было мѣста въ программѣ, начиналъ пробуждаться и научался говорить опредѣленнымъ языкомъ классовыхъ требованій. По мѣрѣ разрастанія этой борьбы должна была давать имъ чувствовать себя вся фальшь программы, и болѣе чуткіе и одаренные изъ нихъ не могли въ душѣ не протестовать противъ такого самооплеванія. Сами — рабочіе, принимая самое энергичное участіе въ разгоравшейся борьбѣ своего класса, вкладывая въ нее всю душу, они инстинктивно чувствовали всю важность этой борьбы и не могли мириться съ отводимой имъ ролью.

Эти причины мы считаемъ главными и основными въ дѣлѣ созданія первой самостоятельной рабочей организаціи — «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ». Все остальное могло играть лишь побочную роль, могло нѣсколько ускорить возникно-

веніе «Союза», помочь, такъ сказать, родамъ рабочей мысли, но не могло самостоятельно создать эту организацію, еслибы отсутствовала основная причина, т. е. несоотвѣтствіе между революціонной программой и практикой революціонной борьбы.

Къ этимъ побочнымъ причинамъ мы должны отнести знакомство отдѣльныхъ рабочихъ, успѣвшихъ побывать за границей, съ формами борьбы западно-европейскаго пролетаріата, затѣмъ пропаганду «лавристовъ», которые знакомили рабочихъ съ дѣятельностью нѣмецкой соціалъ-демократіи, и др.

Организація «Союза», началась, повидимому, еще въ 1877 г., послѣ двухъ описанныхъ нами выше рабочихъ демонстрацій, но окончательно сложился онъ только къ концу 1878 г. въ періодъ наивысшаго напряженія стачечной борьбы, когда только что закончилась стачка у Кенига и близились стачки на Новой бумагопрядильнѣ и у Шау.

На генеральныхъ собраніяхъ «Союза» 23-го и 30-го декабря 1878 г. былъ окончательно принятъ уставъ «Союза» и выработанная его программа, ясно и категорически заявлявшая, что «Союзъ» по своимъ задачамъ тѣсно примыкаетъ къ соціально-демократической партіи Запада.

Эта программа выставляла рядъ соціалистическихъ требованій, и въ этомъ отношеніи она мало чѣмъ отличалась отъ программы народниковъ. Но вслѣдъ за этими требованіями было и нѣчто, отличающее ее отъ послѣдней, а именно выставленіе опредѣленныхъ политическихъ требованій. Въ то время, какъ народники отрицали политическую борьбу, клеймили политическую свободу «буржуазной» свободой, находя, что ею русскій народъ не сумѣетъ воспользоваться, а воспользуется лишь одна буржуазія, чтобы еще болѣе закабалить экономически неимущіе классы, — рабочіе открыто заявили, что считаютъ политическую свободу однимъ

изъ самыхъ необходимыхъ средствъ для осуществленія соціальной эмансипаціи.

«Такъ какъ политическая свобода, — заявляли рабочіе, — обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Выставляя эти политическія требованія, организаторы «Сѣвернаго Союза» порывали съ программой народниковъ и сознательно ставили крестъ надъ ихъ утопическими надеждами на соціальную крестьянскую революцію.

Много недодуманнаго и еще незрѣлаго можно было бы найти въ этой первой рабочей программѣ;

отъ нея еще далеко до научнаго пониманія проблемъ соціализма, но не надо забывать, что это была первая попытка рабочей мысли опредѣлить самое себя, и надо помнить, какой огромный шагъ впередъ представляла она въ сравненіи съ программами тогдашней революціонной интеллигенціи.

Эта программа дѣлаетъ первую попытку соединить борьбу за соціалистическое будущее съ борьбой за политическую эмансипацію. Необходимость такого соединенія рабочіе чувствовали всѣми фибрами своей души, такъ какъ понимали, что только при политической свободѣ они смогутъ изъ разрозненныхъ и безсильныхъ стать могучей организованной силой; только пользуясь правомъ собраній и сходокъ, они смогутъ создать настоящіе союзы; только при свободѣ слова и печати смогутъ они повести, какъ слѣдуетъ, агитацію.

Для нихъ необходимость борьбы за политическую свободу вытекала изъ ихъ собственнаго положенія въ современномъ обществѣ и уровня сознательности рабочаго класса, которую они правильно считали достаточной, чтобы воспользоваться плодами своей побѣды.

Могли ли заимствовать рабочіе эти требованія у революціонной интеллигенціи? Конечно, могли, но только раньше они должны были сами придти къ сознанію ихъ необходимости. Затѣмъ — у кого они могли ихъ заимствовать? Одинъ изъ основателей «Союза» — Викторъ Обнорскій — довольно долго жилъ за границей и былъ близокъ къ группѣ, издававшей революціонную газету «Набатъ». Сторонники этой газеты также настаивали на необходимости политической борьбы, но только понимали они ее нѣсколько своеобразно. Говоря о политической борьбѣ, они имѣли въ виду захватъ заговорщиками политической власти и, въ доказательство возможности и успѣха такого заговора, указывали

на безсиліе русскаго правительства. А рабочіе «Сѣвернаго Союза», выставляя въ своемъ воззваніи-программѣ политическія требованія, обращались къ своимъ товарищамъ, т. е. къ рабочему классу, съ призывомъ направить свою борьбу, т. е. борьбу классовую, на осуществленіе этихъ требованій, указывая, что достиженіе ихъ послужитъ могучимъ толчкомъ и для полной экономической эмансипаціи, т. е. для торжества соціализма.

Нѣтъ, очевидно, не въ газетѣ «Набатъ» могли вычитать рабочіе смыслъ политическихъ требованій. Еще менѣе могли помочь имъ въ этомъ ортодоксальные народники того времени, которые чурались, какъ чорта, политической борьбы и готовы были ненавидѣть политическую свободу, такъ какъ она могла разстроить ихъ планы на народное возстаніе.

Гораздо болѣе вѣроятнымъ могло быть вліяніе на основателей «Сѣвернаго Союза» программъ западно-европейскихъ рабочихъ партій, но намъ кажется, что сама программа этого «Союза» не подтверждаетъ такого предположенія. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ политическими программами Запада, программа «Союза» должна была бы быть болѣе детализированной, между тѣмъ какъ она сохранила на себѣ отпечатокъ не вполнѣ созрѣвшей политической мысли; въ ней, наряду съ требованіемъ политическихъ правъ для народа, свалены въ одну кучу и мѣры по охранѣ труда; сама политическая свобода, т. е. право на свободу слова и печати, собраній и сходокъ, признается чѣмъ-то самодовлѣющимъ, а не вытекающимъ изъ идеи народовластія. Словомъ, въ эту программу попало только то, до чего въ данный моментъ доросла мысль рабочаго, и необходимость чего она сама научилась понимать.

На эту мнимую зависимость программы «Союза»

отъ западно-европейскихъ программъ указывали многіе, и первыми поспѣшили сдѣлать это сами народники. Имъ, какъ учителямъ, должно было быть особенно обиднымъ такое отношеніе «учениковъ» къ ихъ собственной программѣ, которое ставило ихъ въ смѣшное положеніе курицы, высидѣвшей утятъ.

Отпечатавъ по просьбѣ рабочихъ ихъ новую программу, они тотчасъ же поспѣшили предостеречь ихъ отъ опаснаго «смѣшенія программъ разныхъ соціалистическихъ партій». «Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи, — говорится далѣе въ статьѣ, спеціально посвященной «Союзу», — зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и желали бы видѣть членовъ «Сѣвернаго Союза», — а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ»[1]).

На этотъ упрекъ «Союзъ» отвѣтилъ письмомъ въ редакцію «Земли и Воли», въ которомъ, не касаясь вопроса, откуда была заимствована политическая часть программы, отстаивалъ всю необходимость этихъ требованій для рабочаго класса въ борьбѣ за свое освобожденіе; онъ указывалъ своимъ оппонентамъ-народникамъ, что какъ ни близко и дорого ему самому скорѣйшее освобожденіе отъ гнета соціальнаго, но онъ принужденъ считаться съ опытомъ исторіи человѣчества, который ясно указываетъ, что всюду политическая свобода предшествуетъ уставновленію соціальнаго равенства.

«Мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы, — писали рабочіе. — Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію

[1]) «Земля и Воля» (1879 г.), № 4.

отъ произвола властей, дозволитъ намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды, — и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній» [1]).

Стремясь отстоять свою программу отъ нападокъ интеллигенціи, рабочіе въ то же время старались вообще обособить свою организацію отъ интеллигентныхъ группъ.

По уставу «Союза», членомъ его могъ быть только рабочій; они хотѣли имѣть свою программу, свою газету, свою типографію, свою, наконецъ, библіотеку. Что касается газеты, то такое желаніе объяснялось прежде всѣмъ тѣмъ, что ихъ не могли удовлетворять существовавшія въ то время революціонныя изданія, и имъ, естественно, хотѣлось создать такой органъ, который бы сталъ могучимъ агитаціоннымъ средствомъ воздѣйствія на рабочія массы.

Но, помимо этого, вполнѣ естественнаго желанія, рабочими, несомнѣнно, руководило здѣсь и другое чувство. Указывая нѣсколько раньше, какимъ путемъ должны были они придти къ выработкѣ самостоятельной программы, мы говорили, что первымъ толчкомъ въ этомъ направленіи должно было служить то смутное, обидчивое чувство протеста, которое вызывалъ въ нихъ конфликтъ между программой и жизнью.

Позднѣе, разобравшись въ себѣ самихъ, рабочіе ясно формулировали свое расхожденіе съ тогдашней интеллигенціей, но прежнее смутное чувство, изъ котораго возникло это расхожденіе, должно было остаться и сказывалось въ ихъ отношеніи

---

[1]) «Земля и Воля» (1879 г.), № 5, стр. 10.

къ интеллигенціи, порождая стремленіе быть во всемъ самостоятельными.

На практикѣ «Союзу» было трудно обойтись безъ помощи интеллигенціи, и всетаки приходилось къ ней прибѣгать, и надо сказать, къ чести тогдашней интеллигенціи, что она никогда не отказывала ему въ своей помощи.

Планы у участниковъ «Сѣвернаго Союза» были самые обширные. «Союзъ» предполагалъ раскинуть сѣть своей организаціи по всей Россіи, объединивъ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ въ самостоятельную рабочую партію, на подобіе таковыхъ въ Западной Европѣ; предполагалось, какъ мы уже упоминали, имѣть свою тайную типографію, въ которой печаталась бы рабочая газета, редактируемая и составляемая самими рабочими. Предполагалось также завести библіотеку и развить усиленную агитацію и пропаганду въ рабочей средѣ. Наконецъ «Союзъ» не думалъ уклоняться и отъ организаціи политическихъ выступленій. Отдѣльные члены его носились даже съ мыслями о подготовленіи единовременной всеобщей стачки, о возможной поддержкѣ борющемуся студенчеству. Но на первое время приходилось ограничиваться болѣе скромными задачами. Была собрана недурная библіотека, книги изъ которой широко расходились по всему рабочему Петербургу. Много силъ отнимала стачечная борьба, въ которой всѣ члены «Союза» принимали самое энергичное участіе.

«Союзу» удалось также поставить свою собственную типографію и даже приступить къ изданію газеты «Заря Рабочаго», но первый номеръ ея былъ арестованъ вмѣстѣ съ типографіей «Союза» тотчасъ по отпечатаніи въ концѣ февраля 1880 г. и почти цѣликомъ попалъ въ лапы жандармовъ.

Во главѣ «Союза» стоялъ «Центральный Комитетъ», выбираемый самими рабочими; число чле-

новъ его было довольно велико, и это обстоятельство дѣлало его тяжеловѣсной организаціей, мало приспособленной къ русскимъ политическимъ условіямъ. Практика скоро указала на эти недостатки, и тогда, помимо «Центральнаго Комитета», за которымъ попрежнему было оставлено общее руководящее значеніе, былъ организованъ еще особый «Распорядительный Комитетъ», которому разрѣшалось дѣйствовать самостоятельно въ случаяхъ, не терпящихъ промедленія.

Дѣятельность «Союза» тормозилась еще и тѣмъ, что ему никакъ не удавалось прочно укрѣпиться. Усиливавшееся революціонное движеніе, учащавшіеся террористическія акты приводили, въ свою очередь, къ усиленному бѣлому террору правительства, и это обстоятельство отражалось очень печально на дѣятельности «Союза». Хватая повсюду всякаго подозрительнаго человѣка, полиція не церемонилась, конечно, и съ рабочими, входящими въ составъ «Союза». Ряды его членовъ рѣдѣли, и ему снова и снова приходилось тратить много энергіи, чтобы залечить полученныя раны. А эти раны были особенно чувствительны благодаря тому, что агентамъ полиціи удалось проникнуть въ составъ членовъ «Союза». Это были супруги Рейнштейнъ. Имъ удалось узнать и выдать полиціи многихъ членовъ «Союза», въ томъ числѣ и Виктора Обнорскаго, одного изъ главныхъ организаторовъ его, и эта потеря была тѣмъ чувствительнѣе, что другой его организаторъ и «душа» «Союза» — Степанъ Халтуринъ, прежде относившійся отрицательно къ террористической борьбѣ интеллигенціи и считавшій этотъ способъ борьбы несвойственнымъ рабочему классу, теперь самъ ушелъ въ терроръ, надѣясь однимъ могучимъ ударомъ свалить деспотизмъ и добиться политической свободы, а съ ней вмѣстѣ и простора для пролетарской борьбы.

Благодаря этому, дѣятельность «Союза» должна была сузиться, — онъ захирѣлъ и скоро совсѣмъ погибъ. Въ рядахъ интеллигенціи онъ почти не встрѣтилъ поддержки, а рабочій классъ хотя и встрѣтилъ сочувственно его появленіе, но не былъ еще достаточно сознательнымъ, чтобы продолжать его дѣло, когда пали его передовые бойцы. Знамя самостоятелянаго рабочаго движенія, поднятое «Сѣвернымъ Союзомъ», было подхвачено уже послѣ его фактической смерти кружкомъ заграничной интеллигенціи — «Группой Освобожденія Труда». Усиліями этой группы былъ совершенъ дальнѣйшій, въ высшей степени важный шагъ въ дѣлѣ выработки и обоснованія соціалъ-демократической программы. Эта программа стала научной, опирающейся на основныя положенія научнаго соціализма.

«Сѣверный Союзъ» погибъ, но отдѣльные его члены, разбросанные по всему пространству Россіи, продолжали свое дѣло; имъ не удалось, правда, создать прочныхъ рабочихъ организацій, но ихъ пропаганда продолжала будить мысль рабочаго; то же дѣлало и экономическое развитіе Россіи, которое скоро привело ее къ новому кризису, снова обострило отношеніе рабочихъ къ классу предпринимателей и снова толкнуло на борьбу. Тогда сказались результаты всей прежней работы, и въ томъ числѣ «Союза» и его отдѣльныхъ членовъ. Рабочій классъ поднялся на борьбу уже болѣе сознательнымъ, повелъ эту борьбу попрежнему энергично и солидарно и уже въ 80-ые годы заставилъ правительство пойти на уступки и законодательнымъ путемъ удовлетворить по крайней мѣрѣ часть выставленныхъ имъ требованій.

Оглавленіе.

стр.

I. Борьба крѣпостныхъ рабочихъ 3

II. Развитіе капитализма и появленіе современнаго пролетаріата 11

III. Кризисъ въ 70-хъ годахъ и вызванныя имъ волненія петербургскаго пролетаріата . 21

IV. Рабочее движеніе на югѣ Россіи. «Южно-Русскій Рабочій Союзъ» 50

V. «Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ» . 54